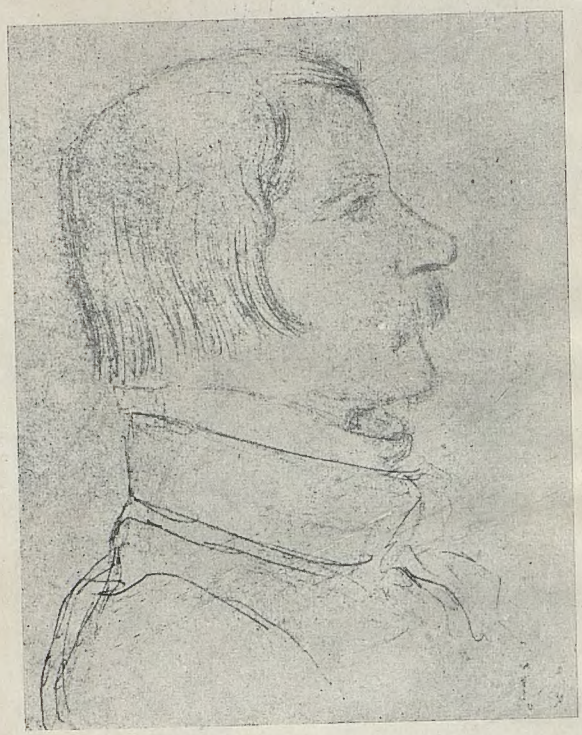
Академия Наук СССР

Письма П.В.Киреевского к Н.М.Языкову

35

Издательство Академии Наук СССР - Москва - Ленинград



П. В. Киреевский.

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова.

Из собрания Института русской литературы.

ИЭ
ЭС-845 2
Пров-на
1966-67

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ
Том I, вып. 4

„НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ"

ПИСЬМА
П. В. КИРЕЕВСКОГО к Н. М. ЯЗЫКОВУ

Редакция, вступительная статья и комментарии
М. К. Азадовского

10448.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1935

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1935 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания А. А. Бусыгин

Технич. редактор **Л. А. Федоров.** **Ученый корректор В. А. Заветновский.**

Сдано в набор 1/VIII 1935 г. Подписано к печати 16-X 1935 г.
Ленгорлит № 29086. АНИ № 984. Тип. ВКСХУ им. Сталина. Заказ № 8120
Форм. бум. 62×94. Кол. зн. в печ. листе 44645. Объем $5^6/_8$ л. Тираж 3165.

I

ПИСЬМА КИРЕЕВСКОГО К ЯЗЫКОВУ КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Сборник Киреевского является, несомненно, одной из крупнейших дат в истории русской фольклористики, собственно даже не самый сборник, ибо, по существу, сборника Киреевского не существует, а есть ряд изданий, опубликованных по его материалам, за исключением, конечно, духовных стихов, подобранных и опубликованных самим Киреевским. Таким образом, правильнее говорить не о сборнике, но о собрании Киреевского, еще точнее: о его собирательской работе. С этого момента обычно и начинают историю русской фольклористики как науку—и это бесспорно правильно. Отказ от любительства, применение методов западноевропейской науки, огромный плановый захват материала, осознание его исторического значения и важности,—все это характеризует деятельность Киреевского в отличие от других аналогичных опытов его предшественников и современников.

Н. Рубинштейн в очерке, посвященном историографической работе славянофилов, пишет: „Никому другому, как славянофилам, принадлежит честь привнесения в русскую историю источников такого типа, которые до тех пор историческая наука лишала права гражданства. К. Аксаков, П. Киреевский и другие славянофилы доказали, что исследователь имеет столько же оснований ссылаться на „Русскую Правду", сколько на древние былины, на „Завещание" Мономаха столько же, сколько на старинные предания, на „Судебник" Ивана Грозного, сколько на народные поверья и сказки. Славянофилы, так сказать, демократизировали исторические источники и благодаря им уже давно не кажется странным, что мужицкая песня, может быть только сейчас записанная, как памятник стоит рядом с какой-нибудь договорной грамотой или царским указом".[1]

Это совершенно бесспорно и правильно. Но нужно еще подчеркнуть, что эти идеи о значении и роли фольклора

[1] Н. Рубинштейн. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни. „Русская историческая литература в классовом освещении". Сб. статей под ред. М. Н. Покровского, т. I, М., 1925, стр. 75.

сложились еще до сформирования славянофильства, как такового: в 1831 г., к которому следует отнести зарождение научной фольклористики, идеи славянофильства еще не только не нашли законченного оформления, но находились вообще в стадии неясного и смутного брожения—и можно даже сказать иначе: идея фольклора, идея народной поэзии и фольклористическая работа—были одними из первых камней в создании новой теории.

Этот начальный период русской фольклористики очень мало освещен, и факты, относящиеся сюда, пока еще малоизвестны. Несмотря на общепризнанное огромное значение дела Киреевского, несмотря на то, что в орбиту его собирания были включены выдающиеся деятели русской культуры, во главе с Пушкиным,—история его собирания и постепенного складывания монументального собрания освещена крайне скудно. То немногое, что мы знали об истории собрания Киреевского и методах его работы над материалом, сведено и подытожено в работе М. Н. Сперанского, но в распоряжении исследователя не было достаточных материалов, чтобы осветить совершенно исчерпывающе картину складывания и формирования собрания Киреевского; к тому же, наконец, ни в ней, ни в какой другой работе не вскрыты идеологические корни этого огромного предприятия.[1]

Те письма П. В. Киреевского, которые были опубликованы до сих пор, дают сравнительно очень скудный материал относительно истории собрания; насколько нам известно, весьма скудно освещен этот период и в переписке Киреевского, хранящейся в архивах. Поэтому совершенно исключительный историко-литературный интерес представ-

---

[1] Единственной попыткой осмыслить в социально-политическом плане собирательскую деятельность Киреевского и установить его идеологические позиции является статья В. Зельцера „Капитализм и русская фольклористика“ (Литература и марксизм, 1929, № 5, стр. 152—185). Однако, эту попытку, при всей ее ценности как первого опыта, нужно признать крайне неудачной. Она страдает чрезмерной упрощенностью, схематизмом, и, к тому же, автор очень часто совершенно ошибочно и неверно излагает факты. О Киреевском он пишет: „Своенародности подвижник просвещенный“, как называл известного собирателя П. В. Киреевского поэт Языков, был по внешности „простой степной помещик — с усами, в венгерке, с трубкой в зубах“. „Его идеология ясна“, и далее, приведя несколько вырванных из контекста цитат Киреевского, Зельцер пишет: „Здесь, без всякой поэтизации, на нас глядит неприглядный образ «степного помещика», оправдывающего крепостное право и зоологически ненавидящего «европейских немцев» и даже первого их насадителя — Петра I. Особенно ненавидел такой собиратель влияние города на народную поэзию .... Весьма характерно, что из всего им собранного материала П. В. Киреевский пожелал опубликовать духовные стихи, выражавшие для него религиозную традицию народа, хотя именно они подлежали двойной цензуре и изданы после десятилетних хлопот“ (стр. 159—160). Здесь нагромождена куча ошибок: неверно, что Киреевский пожелал

ляют письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, обнаруженные в архиве последнего (хранится в Институте русской литературы Академии Наук СССР, сокр. ИРЛИ).

Письма эти не являются совершенной новостью: частично они были использованы различными исследователями для разных целей. Так, напр., Д. Н. Садовников опубликовал выдержки из этих писем, касающиеся Пушкина;[1] — выдержки эти, замечу попутно, имели первоклассное значение, так как давали возможность судить о подлинных интересах Пушкина в области „народной словесности", — к сожалению, в этой публикации остались пропущенными некоторые довольно существенные детали. Затем письма П. В. Киреевского к Языкову привлекались В. П. Петровым в качестве комментария к опубликованной им переписке М. А. Максимовича с Н. М. Языковым[2] — и некоторые образцы были приведены даже в обширных выдержках, — но, в целом, переписка осталась неопубликованной, и эти замечательные письма до сих пор еще не входили в полный научный оборот. Между тем значение их совершенно исключительное: во-первых, они дают новый материал для внешней истории знаменитого собрания Киреевского; во-вторых, что, конечно, еще более важно, они четко вскрывают ту атмосферу, в которой возникло это собрание, и дают возможность судить о замыслах Киреевского при начале работы над песнями.

Чрезвычайно важно установить, прежде всего, самый начальный этап собирания и определить его точные хронологические рамки. Обычно этой датой считают 1830 год. Эту дату называет П. В. Киреевский в предисловии к изданному им тому духовных стихов. „Собрание русских народных песен, предлагаемое здесь читателям, составлялось

опубликовать только духовные стихи; после работы М. Н. Сперанского прекрасно известно, что Киреевский одновременно готовил ряд других сборников; известно, что еще в 1838 г. он приступил было к печатанию свадебных песен, но приток новых материалов заставил его отложить это издание известно, как методически и внимательно обрабатывал он все свое собрание, особенно исторические песни, и т. д. Кстати, откуда взял В. Зельцер, что „духовные стихи" изданы после десятилетних хлопот? Эти хлопоты были, правда, очень утомительны и беспокойны, но они начались только с 1844 г. В. Зельцер забывает, что славянофильства, как такового, в начале тридцатых годов еще не было, и, наконец, дает совершенно упрощенный, примитивный портрет П. В. Киреевского. Едва ли такая упрощенность способствует правильному историческому пониманию. Киреевский был одним из образованнейших людей своего времени, человек с весьма сложной и богатой духовной организацией. Стоит вспомнить хотя бы оценку Герцена. Именно потому-то он и смог явиться одним из центральнейших деятелей складывающегося славянофильства.

[1] Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. Истор. вести., 1883, XII.

[2] В. П. Петров. Листування М. О. Максимовича та Н. М. Языкова (Роки 1829–1846) „Литература", 1928, стр. 131—144.

в продолжение многих лет. Начало ему было положено еще в 1830 г., но небольшое количество песен, тогда мною собранных, по непредвиденному случаю, пропало; в 1831 и 1832 гг. я снова принялся записывать песни с голоса крестьян Московской губ."[1] Н. А. Елагин в своих „Материалах для биографии П. В. Киреевского", однако, определенно начальной датой считает лето 1831 г.[2] И, несмотря на показание самого П. В. Киреевского, последняя дата представляется более точной. Конечно, интерес к народной поэзии у Киреевского был и раньше; естественно, что он и сам записывал песни, как записывали в то время многие представители интеллигенции из разных социальных слоев, но постановка определенной цели, собирание под определенным углом зрения, как некая жизненная задача,— это, несомненно, относится только к периоду возвращения Киреевского из-за границы, и датой окончательного оформления является именно лето 1831 г., как и свидетельствует Николай Елагин.

Архив Языковых дает возможность совершенно четко установить эти начальные даты. 1829—1832 годы Языков проводил в Москве, находясь все время в окружении Киреевских. Письма его к братьям и сестрам дают богатейший материал для характеристики быта и идейных настроений Киреевских и их круга. В этих письмах Языков подробно сообщает и о плане собирания и издания песен. Первое упоминание об этом—в письме к брату Александру Михайловичу от 12 июля 1831 г.: „Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего

[1] Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть I. Русске народные стихи. Чтения в имп. О-ве ист. и др. росс. при Моск. ун-те, год третий, № 9, М., 1848, стр. III (отд. пагинация). М. О. Гершензон указывает на мюнхенское письмо (1830 г.) П. Киреевского, где тот благодарит Максимовича за присылку каких-то песен, и полагает, что, быть может, это и послужило основой собрания песен. Однако, Максимович сам в то время уже собирал песни, и его записи могли быть присланы Киреевскому в каких-либо информационных целях. П. И. Якушкин сообщает о собирании Киреевского еще в 20-х годах, но уже М. Н. Сперанский отвел это показание, как явно неточное.

[2] И. В. Киреевский. Собрание сочинений. Под ред. М. О. Гершензона, М. 1911, т. I, стр. 62.

русского. Не хочешь ли ты участвовать в сем деле богоугодном и патриотическом? При тебе находится Мануков писец отличный: употреби его, растолковав ему, в чем дело: пусть записывает слово в слово, что как поется, не ленясь записывать одну и ту же песню и несколько раз, когда найдет в ней какие-либо перемены: в краях, тобою теперь посещаемых,[1] верно есть много особенно оригинально-прекрасного по сей части. Да нужно было бы записывать и сказки, напр., что такое Лазарь, поемый нищими, но это после. А волжские песни? Что ж мы?..."[2] О том же он сообщил в тот же день и другому брату, Петру Михайловичу Языкову: „Одно и главное—и главное потому, что одно—мое занятие составляет здесь записывание русских песен со слов деревенских дев—дело идет очень успешно".[3]

В этом письме чрезвычайно важны два момента: во-первых, устанавливается точная дата начала собрания Киреевского: как раз лето 1831 г.—дата, указанная Н. А. Елагиным; во-вторых, устанавливается значительная роль самого Языкова в этом деле. До сих пор имя Языкова с его братьями называлось только как имя одного из деятельнейших вкладчиков собрания Киреевского. Правда, сам Киреевский в уже цитированном предисловии к „Стихам" писал: „...нет сомнения, что у меня бы не стало ни сил ни средств довести его [собрание] до того значительного объема, которого оно, наконец, достигло, если бы это предприятие не было поддержано и одушевлено дружбою незабвенного Языкова. Живое участие в моем собрании принял покойный Н. М. Языков: он и его семья оставили мне огромное драгоценное собрание песен, записанных им из уст народа в Симбирской и Оренбургской губерниях, его одушевленному сочувствию я обязан многими внутренними силами. Ему принадлежит главная честь этого дела".[4] Однако, это свидетельство до сих пор не учитывалось должным образом. Его понимали исключительно как свидетельство значительной личной собирательской работы Языкова, причем и здесь неизмеримо большую роль отводили его брату, Александру Михайловичу.[5]

Переписка поэта с братьями и письма к нему П. В. Киреевского заставляют иначе расценивать роль Языкова. Именно он, на первых порах, является основным, так ска-

---

[1] А. М. Языков находился тогда в Уфимской губ.
[2] Архив ИРЛИ.
[3] Ibid., оба письма из с. Ильинского.
[4] Op. cit., стр. III—V.
[5] Ср. Н. И. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб. 1912.

зать, будирующим элементом. Он беспрерывно обращается то к брату, то к сестре, то к знакомым, просит их содействовать собиранию, дает советы, указания и т. д.

Напр., в 1833 г. он пишет брату, А. М—чу: „Много и много спасибо тебе за ревностное и благопоспешное действование твое в собирании стихов—дело достославное и стоющее благодарности добросмыслящих современников и правосудного потомства. Я уже сношусь по сей части с П. В. Киреевским. Трудно — и слава богу, что трудно — найти на святой Руси человека, могущего столь добросовестно заняться распорядком нашего и своего собственного труда сего, как сей Петр Киреевский. Он есть Петр и на сем камени должна соорудиться церковь, вами приготовляемая". [1]

В этот же день он пишет сестре, П. М. Бестужевой: „Не ослабевай и ты в деятельности на сем поприще всенародной литературы, если будешь в Репьевке, то особенно приударь: там рапсодов много и сановитая древность процветает". Через несколько месяцев, 14 июля 1833 г., он снова пишет брату о собирании, благодарит его за энергичное собирание „стихов" и прибавляет при этом, что сам он „не умеет записывать стихи",—и в тот же день пишет младшей сестре, Екатерине Михайловне (впоследствии Хомяковой): „Котел, сделай мне большое удовольствие: запиши от повара дивского мне несколько песен: песню про княжну Черниговскую: как не белая береза— сполна всю, а то он мне доставил ее вовсе без конца. Можешь и другое кое-что записать". Еще раньше в письме попадается благодарность Балдову (управляющему имением Языковых) за сообщение „похабных пословиц и поговорок"; „некоторые из них, — замечает Языков, — очень хороши в поэтическом смысле" (20 марта 1832 г.).

Заботы о песнях не оставляют его, можно сказать, ни на минуту. Уже в начале 40-х годов, больной, за границей, он пишет оттуда брату: „Александр Михайлович, ты худо сделал, что не записал песню: собиралася Недвига—должно быть славнейшая" (22 марта 1840). И затем снова напоминает: „Будучи за Волгою, не забывай записывать песни и стихи. Мне помнится, что в Станишном оставалось несколько старцев и стариц неизвестных". Эти заботы о собирании песен и „стихов" не оставляют его и в Москве, куда он переехал на постоянное жительство после заграницы, и где вся его жизнь проходит, главным образом, в борьбе

[1] Это письмо, как и все дальнейшие, цитируется по неопубликованному архиву Языковых в ИРЛИ. Остальные источники будут оговариваться. Петр Михайлович Языков, старший из братьев Языковых, профессор геологии, очень увлекался собиранием и даже сделал несколько публикаций в современных альманахах и журналах.

с болезнью. Так, напр., в письме от 5 сентября 1843 г. он вспоминает какую-то Дарью Андреевну и просит „поручить ей записывать стихи"; в октябре того же года ведет переговоры с Д. П. Ознобишиным о передаче записанных им песен Киреевскому, и т. д. Нет надобности увеличивать число аналогичных примеров.

В тех же письмах из-за границы он беспрерывно справляется о ходе работы над песнями Киреевского и не скрывает своего раздражения от медлительности последнего. Он подталкивает его сам, негодует, настаивает, чтоб на него воздействовали друзья, жалуется на него общим знакомым.

„Петр Васильевич кажется плохо подвигается вперед с изданием русских песен; редко пишет ко мне и неизвестно, где теперь" (1 июля 1839, Ганау); „Петр Васильевич продолжает спать с собиранием песен" (6 июля 1840, Рим); несколько раньше, в том же 1840 г., но еще из Ниццы, он пишет своим: „К Петру Васильевичу мы писали, писали и недавно уже отнеслися к Валуеву, чтоб сей юноша добился от него ответа на некоторые пункты. Расторыкать его трудно. Он чрезвычайно способен захрясать и засиживаться в одной мысли и на одном месте, вот почему и не отвечает на письма и медлит изданием песен, уже не знаю, почему". Об этом же он пишет неоднократно и М. А. Максимовичу.[1]

Письма Киреевского еще более подчеркивают роль Языкова в организации собирательской работы и вместе с тем они вскрывают подлинные размеры языковского вклада—его лично и его семьи—в собрание. „Славное дело вы сделали,—пишет он 9 июля 1832 г.,—что собрали так много песен, а мне это стыдно, потому что я до сих пор не собрал ни одной. Однако, и я не отстану, и скоро примусь за дело". В письме от 14 октября 1833 г. он подводит итоги двухлетней собирательской и организационной работы. За это время, оказывается, у него на руках скопилось уже около 1000 номеров, из этого числа—300 собрано самим Киреевским, 200 собрано в Орловской губ. Рожалиным, а 500, „и самых лучших" (по характеристике Киреевского), прислано Н. М. Языковым. Наконец, в этих же письмах отчетливо вскрывается роль и значение Языкова в организации нашей первой научной фольклористической работы: в письме от 12 октября 1832 г. Киреевский сообщает Языкову о свидании с Пушкиным. „Пушкин,—пишет он,—намерен как можно скорее издавать русские

[1] Напр: „Киреевские продолжают свое прежнее: И. В. в деревне, и об нем слуху нет. П. В. благополучно начал 14-й год сидеть сложа руки над своим знаменитым собранием песен" (17 июня 1844).

песни, которых у него собрано довольно много; я думаю,— продолжает Киреевский,—послать ему копии с моего собрания, но для этого нужно наперед твое соизволение"; весной же следующего года, в письме от 9 мая, Киреевский уже пишет о собственном издании и торопит с приездом в Москву Языкова „и тогда,—пишет Киреевский,— вместе потолкуем, кому, как и на каком основании приступать к изданию".

Таким образом, из этих выдержек совершенно очевидно, что Киреевский считал Языкова равноправным хозяином материала, без разрешения которого он считал себя не в праве делать какие бы то ни было передачи материала, хотя бы даже Пушкину. Вместе с тем выясняется, что по первоначальному плану подготовка текстов к печати должна была вестись не только Киреевским, но и Языковым; письмо же от 14 октября 1833 г. вскрывает и еще одну важную деталь первоначально задуманного издания: оно должно было сопровождаться предисловием Пушкина и на титульном листе иметь надпись „изданное Н. Языковым и П. Киреевским". Вообще, тема совместного издания и совместной работы — одна из центральных в этой переписке. Киреевский жалуется, что Языков медлит возвращением из деревни в Москву, и весь труд падает на его одинокие плечи; пишет о необходимости совместной работы над сверкой вариантов, и проч. Наконец, он предполагает работать над песнями, вместе с Языковым, за границей.

Установление участия в деле собирания песен Языкова — не только факт биографии писателя, и не только лишний штрих в истории собрания Киреевского: состав действующих лиц определяет характер работы и свидетельствует об определенной расстановке общественных сил. Далеко не случайно, что собирательство начинается именно в 1831 г., не случайно оно оказывается в руках Киреевского и Языкова, не случайно отпадают другие, также ставившие перед собой эту задачу.

Чрезвычайно знаменательно, что начальной датой собрания Киреевского, а вместе с тем и датой начала созидания научной фольклористики является 1831 год. Этот же год ознаменовывается и усиленным интересом к фольклору в литературе. Первые „Сказки" Пушкина, „Сказки" Жуковского, „Вечера на хуторе близ Диканьки" Гоголя—также связаны с этим годом. В следующем 1832 г. появляются „Сказки" Даля, в 1833—1834 гг.—остальные сказки Пушкина, „Конек Горбунок" (1834) Ершова и др. В какой же общественной атмосфере создавалась и росла эта фольклористическая линия? Об этом мне приходилось уже писать

дважды[1] и здесь позволю себе повторно кратко сформулировать основные положения. Начало тридцатых годов— это эпоха решительного наступления на дворянскую литературу. Критические статьи братьев Полевых, нравственно-сатирические романы Булгарина, исторические романы Загоскина и Лажечникова, областные романы и повести Калашникова, „романтические повести" Полевого и Ушакова, сказки казака Луганского (Даля)—все это отдельные моменты этого общего наступления, шедшего с разных сторон и с разных позиций. Одной из центральных и самых основных проблем в этой борьбе явилась проблема народности. Об общественном интересе к народности и об ее литературных проявлениях у нас написано не мало работ, вплоть до объемистых исследований,[2] но все эти работы ограничиваются обычно только общим описанием, не затрагивая проблемы глубже и в частности совершенно оставляя в стороне вопрос о социально-политической сущности этого явления.

Очень кратко и в то же время наиболее четко подведены итоги общим изучениям в этой сфере М. Н. Сперанским в его статье, предпосланной изданию серии песен, записанных П. Киреевским.[3] М. Н. Сперанский так формулирует сущность интереса к народности в литературе: „С конца XVIII века, когда стало пробуждаться более или менее определенно самосознание в русском передовом обществе, стало оно все чаще и чаще находить себе выражение в интересе к народу и его изучению, в интересе к своему прошлому, но до 20-х годов XIX в. вполне научного отношения к изучениям народности не было; бессознательное стремление к самоопределению являлось делом преимущественно любопытства, сочувствия старине и неясного чувства, веры, что и в современной жизни низших классов общества есть зерна родной старины; рядом с собиранием и отчасти изданием памятников старины и материалов для изучения народного быта, мало руководимым ясными научными приемами и сознательными задачами, рядом с этим видим отношение к старине и народности идеалистическое, взгляд на нее то поэтический, то (особенно после эпохи 12 года) патриотический, то, наконец (эпоха

---

[1] В работах об Языкове и Ершове: Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского, М.—Л. 1934, стр. 66—70, П. Ершов. Конек-Горбунок. Редакция и вступительная статья М. К. Азадовского. М.—Л., 1935, стр. 7.

[2] Н. И. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Зап. ист.-филол. факультета СПбургского университета, часть CX, СПб., 1912.

[3] М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен—„Песни, собранные П. В. Киреевским". Новая серия, вып. 1, М., 1914.

2-й половины царствования Александра I), реакционно политический".[1]

Таким образом, уже М. Н. Сперанский вскрывает, не останавливаясь на этом глубже, различные политические оттенки в проявлениях интереса к народности. Но нужно пойти еще дальше; нужно четко констатировать, что проблему народности в литературе ни в коем случае нельзя рассматривать как проблему узко-литературную: она имела определенный и достаточно ярко выраженный социально-политический характер.[2] Это был спор определенно политический, перенесенный по условиям времени в литературу и на литературном материале развернувшийся. За литературными оценками и формулировками вставал вопрос об общественной гегемонии, о праве определенных групп говорить от имени нации, о путях и формах создания национальной литературы, об элементах, которые должны лечь в основу последней. Кульминационным пунктом в истории этих споров является полемика „Московского телеграфа" с „Литературной газетой", когда в статьях Ксенофонта Полевого была с резкой отчетливостью и силой сформулирована идея буржуазной народности.[3]

Вполне понятно и то обострение интереса к народной поэзии, которое наблюдается в эту эпоху. Фольклор сделался основным материалом при решении проблемы народности. Отсюда — фольклоризм в литературе; отсюда — одновременное зарождение научной фольклористики. Планы грандиозного собрания песен, организации широкого собирательства возникли в этой боевой атмосфере.

Не случайно, что именно Языков и Киреевский являются активнейшими деятелями в этом направлении. 30-е годы для Языкова — это годы осознания своего пути: он сам характеризовал его, как путь из кабака в церковь.[4] Что скрывается за этой своеобразной формулой и как надлежит ее расшифровать? Если понимать буквально, то это должно означать переход от мотивов эротики и студенческого разгула к мотивам религиозным. Но за этим скрывается более глубокий смысл, которого, быть может, и не сумел бы еще осознать в то время сам Языков. Молодой Языков — на гребне декабристской волны. Его „кабацкие" стихи, которыми зачитывалась молодая Россия (ср. свидетельства Белинского, Герцена и др.), были выражением жажды душевного простора, свободы. В этом же плане воспринима-

---

[1] Op. cit., стр. LII.

[2] Более подробно — в нашей работе о Н. М. Языкове: Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, редакция и комментарии М. К. Азадовского. Изд. „Academia", 1934, стр. 33—38.

[3] Ibid.

[4] В письме к В. Д. Комовскому.

лись и его студенческие стихотворения, посвященные битвам славян за свободу новгородской вольности и освобождению России от татарского ига. Однако, Языков никогда не примыкал до конца к радикальным кругам русской интеллигенции. Эта связь была временной и случайной. Еще недостаточно острое в эту эпоху осознание классовых противоречий в дворянской среде делало вполне понятным и естественным целый ряд таких союзов, казавшихся несовместимыми и непонятными в более позднее время. Более четкое осознание своих классовых позиций заставляло многих значительно эволюционировать и переходить на правый фланг. Классический пример—путь Вяземского. Таков же и путь Языкова. Уже в студенческие годы его исторические стихотворения и вообще вся его архаика связывались порой с мотивами узконационалистического и порой шовинистического характера. В московский период, как мне приходилось указывать в своей работе об Языкове, эти настроения выступали еще резче. К ним присоединяются мотивы религиозные, и в общем его лирика все более уходит в мир реакционных идей и настроений. Окрашенный свободолюбивым настроением лирический пафос поэта получает новую направленность.

И рядом с Языковым—Петр Киреевский, первый славянофил, самый ранний и самый последовательный идеолог славянофильства. Н. А. Елагин, родной брат Киреевских по матери, так зарисовывает облик молодого Киреевского: „Подле Киреевского Ивана неразлучно с самых первых лет детства был его брат, Петр Васильевич. Они были связаны такою нежною, горячею дружбой, которая редко бывает даже между братьями... В эпоху запрещения „Европейца“ взгляды их во многом были несходны. Щедро одаренный от природы, П. В. смолоду с особенной любовью сосредоточил свои силы над изучением русской старины и выработал свой самостоятельный взгляд—глубокое убеждение в безусловном вреде насилия Петровского переворота, в этом отступничестве дворянства от коренных начал русской народной жизни“.[1]

Н. Елагин чрезвычайно четко сформулировал классовую позицию П. Киреевского и определил то место, которое занимал он среди борющихся групп конца 20-х—начала 30-х годов. К проблеме народности подходил он как историк и подходил с определенных классовых позиций, резко противопоставляя свое понимание народности и путей национального развития и культуры. И позднее Киреевский неизменно выступал как историк, хотя и очень мало писал

[1] И. В. Киреевский. Сочинения. Под ред. М. О. Гершензона, М., 1911, ч. I. Материалы для биографии И. В. Киреевского, стр. 62—63 (разрядка наша).

по истории—почти ничего: одна неоконченная статья в „Москвитянине". Ф. И. Буслаев в своих „Воспоминаниях" набросал замечательно яркую картину распределения интересов среди славянофилов. Каждый из них как бы заведывал своим определенным участком, на котором и боролся с противниками.

„По различию в наклонностях и занятиях,—рассказывает Буслаев,—московские славянофилы делили свои ученые интересы по специальностям с особым представителем для каждой. Хомяков взял себе всеобщую историю и богословие, он был великий диалектик и отличался бойкостью и силою доводов в диспутах с раскольниками, которые его очень уважали. Иван Вас. Киреевский был философ; энергичность его философских взглядов оценила сама цензура строгими запрещениями. Юр. Фед. Самарин блистательно заявил свою специальность в образцовых работах о государственном, политическом и экономическом строе русской земли с ее окраинами. Ученою специальностью К. С. Аксакова был русский язык и его грамматика, которой он хотел дать своеобразный вид соответственно неисчерпаемой глубине народного духа. С. П. Шевырев в своих публичных лекциях был для славянофилов представителем по истории русской литературы. На долю П. В. Киреевского, кроме народной поэзии, выпала русская история, которою в течение всей своей жизни он усердно занимался, но, сколько мне известно, очень немногое успел напечатать".[1]

Как историк Киреевский подошел и к народной поэзии. И становится совершенно ясно, почему именно 1831 год был началом сознательной собирательской деятельности Киреевского и почему именно Петр Киреевский оказался во главе этой работы.

К постановке этой проблемы общество было уже вплотную подведено развитием общественных отношений и характером тех литературно-политических споров, которые разыгрывались в конце 20-х годов. 1830 год Киреевский проводит в Мюнхене; он слушает там Шеллинга, Окена, Герреса, там он окунулся в самую гущу идей так называемого „националистического романтизма"; случайный и неотчетливый интерес к народной поэзии, который питал, подобно многим другим, Киреевский, получил там новую пищу и глубокое осмысление. М. Н. Сперанский совершенно правильно подчеркивает значение мюнхенского периода и мюнхенских штудий Киреевского. „В его дальнейшей деятельности Киреевский сразу занял,—пишет он,—центральное положение среди собирателей и исследовате-

[1] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М. 1897, стр. 293—294.

лей: он первый ясно указал цель, ясно наметил путь к ней, сам являясь своего рода синтезом мыслей, бродивших в обществе. Мысли эти зародились и развивались на почве западного влияния—романтизма, уже развитого в русском обществе, а Киреевский, кроме того, что впитал в себя все, что в отношении народности могло дать отзвуки этого романтизма в народной среде, в русской обстановке, работает непосредственно у самого источника: он—ученик Шеллинга, Окена, Герреса—этих столпов изучения народности; отсюда, надо полагать, у него та ясность и определенность во взглядах на народность, какую тотчас и увидали современники: западные учителя, его собственное настроение, развитие, влияние брата помогли ему сразу выступить с цельной, продуманной системой, с готовыми научными приемами: он, явившись в среде мечущихся из стороны в сторону единомышленников, оказался сразу готовым работником, опытным, уверенным, несущим результаты глубокой, упорной, внутренней работы, в виде готового плана, готовых научных приемов. Такой человек, естественно, и не мог стать ничем иным, как фокусом, в котором сосредоточивалась мысль известного направления." [1]

Эта характеристика почти верна, она только неполна, и в ней отсутствует основное. Киреевский стал фокусом не только потому, что явился лучше других вооруженным научно, как думает М. Н. Сперанский, но и потому, что был прекрасно вооружен политически. Он понял боевое значение фольклорного материала и, опираясь на боевого поэта своего класса, повел широкую борьбу на избранном им участке общего фронта.

И в дальнейшем, чем больше он работал над песнями, чем больше погружался он в гущу материала, тем более прояснялась ему сущность проблемы. Его исторические занятия и занятия фольклором сливались в одно русло. Чрезвычайно знаменательны в этом отношении письма о Чаадаеве. В письме от 18 октября 1832 г. Киреевский с большим удовольствием описывает Языкову забавные выпады Ю. Н. Бартенева по адресу Чаадаева. „Вообрази себе, например, что у Свербеевых, при большом обществе, Чаадаев входит своими важными и размеренными шагами, воображая, что его каждое движение должно производить глубокий эффект, а Бартенев кричит ему навстречу: „А, здоро́во, лысый доктринер" и т. д.

Это письмо, конечно, имеет чисто бытовой интерес, но оно типично для характеристики отношения к Чаадаеву в кружке Киреевских уже в начале 30-х годов. Это письмо

[1] М. Н. Сперанский, op. cit., LIII.

вскрывает те психологические основы, которые привели почти через 15 лет к знаменитому посланию Языкова. Письмо 18 октября—веселый, бытовой, сочно рассказанный анекдот; но за ним чувствуется огромная идейная противопоставляемость и непримиримость. Чаадаев для Киреевского, а стало быть и для Языкова—ибо последний шел за ним, как ученик за учителем—являлся символом неуважения к традиции и ее полного отрицания. И в последующих письмах эти настроения находят уже полную развернутую форму. В этом отношении исключительный интерес и значение имеет письмо от 14 июня 1833 г.—пожалуй, один из самых замечательных памятников борьбы двух миросозерцаний и формирующейся идеологии славянофильства.

В этом письме Петр Киреевский благодарит Языкова за присланное богатое собрание песен. Эти песни доставили ему не только огромнейшее эстетическое наслаждение, но и богатейший материал для полемики с „проклятой чаадаевщиной". „Эта проклятая чаадаевщина,—пишет он,—которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена ad absurdum в сумасшедшей голове Чаадаева, но отзывается по несчастию во многих, не чувствующих всей унизительности этой мысли,—так меня бесит, что мне кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше злых, нежели добрых плодов. Впрочем, я сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд беспристрастия, который только один может быть ясен".

„Это болезненное состояние духа,—продолжает он,—уже давно меня теснит и давит, и кипа песен, тобою присланная, была мне студеной рекой в душной пустыне. Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства—беспонятность, что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти".

Киреевский имеет бесспорно в виду знаменитое философское письмо Чаадаева, появившееся в печати только в 1836 г., но написанное в начале 30-х годов, достаточно хорошо известное в кругах московской интеллигенции по рукописным спискам. Центральным пунктом этого письма является утверждение об отсутствии у русского народа содержательного, богатого глубокою мыслью и кипучей деятельностью исторического прошлого. Каждый, по утвер-

ждению Чаадаева, должен пройти через период бурной деятельности и кипучей игры духовных сил. „Это—эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Через такой период прошли все общества", у русского народа такого периода не было. „Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту,—пишет Чаадаев,—была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства".[1] Чаадаев отрицает целиком всю культуру прошлого, даже самая мысль о ней ему кажется странной и невозможной. Нам ничего не осталось от прошлого, „ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его преданиях". „Окиньте взглядом все прожитые нами века,—говорил Чаадаев,—вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно".[2]

Против этой концепции и восстает решительно Киреевский, и вся его работа над собиранием, упорядочением и исследованием песен идет всецело под знаком этой борьбы. Эта работа для него ни в коем случае не академическое предприятие и не чисто литературная задача. Работа над песнями для него дело принципиальное и политическое. Они нужны ему как фактическое опровержение той системы мыслей, которую он объединял ненавистным ему термином „чаадаевщина". И если Чаадаев отрицал существование в прошлом каких-либо привлекательных памятников и пленительных образов, то Киреевский в ответ как бы демонстрировал „богатейшие россыпи" наших песен и преданий и категорически заявлял, что „богатством" и „величием нашей народной поэзии" „мы можем гордиться перед всеми другими народами" (письмо от 14 июля 1833); он привлекает для сравнения все главнейшие сборники — западноевропейские сборники песен — и приходит к убеждению, что последние (т. е. песни Западной Европы) совершенно ничтожны „в сравнении с нашими" (письмо от 14 окт. 1833). Чаадаев был убежден, что русский народ не имеет памятников, которые „живо и картинно" воссоздавали бы прошлое; Киреевский в ответ стремился подобрать цепь исторических песен и твердо верил в возможность воскресить с их помощью всю русскую историю.

1948.

---

[1] Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Под ред. М. О. Гершензона, М., 1914, т. II, стр. 111.

[2] Ibid., см. соответственное место из „Философического письма" Чаадаева—в примечаниях.

Любопытно сопоставить с этими письмами о Чаадаеве те наброски, которые сохранил под названием „Мысли П. В. Киреевского" Кошелев. Неизвестно, к какому периоду времени они относятся, но при цельности натуры Киреевского и органичности пути его развития это и не так важно. Почти текстуальная близость в некоторых случаях к приведенным выше письмам позволяет датировать их также началом тридцатых годов. „Мысли" эти являются вместе с тем и ценнейшим дополнением к письмам на ту же тему к Языкову. Приведем этот отрывок полностью.

„Язык родной процветать не может без полноты национальной жизни.

Что же такое национальная жизнь? Она, как и все живое, неуловима ни в какие формулы. Предание нужно. Выдуманная национальность, национальные костюмы, обычаи, остановленные в известную минуту, переменяют свой смысл и становятся китайством.

Полнота национальной жизни может быть только там, где уважено предание и где простор преданию, следовательно простор и жизни. У нас она парализована нашим пристрастием к иностранному. Большая часть из нас в детстве воспитывается иностранцами, в обществе говорят не иначе, как по-французски, и когда читают, то читают исключительно книги иностранные. А потому удивительно ли, если все родное больше или меньше нам становится чуждо?

Кто не слыхал русской песни еще над своей колыбелью и кого ее звуки не провожали во всех переходах жизни, у того, разумеется, сердце не встрепенется при ее звуках. Она не похожа на те звуки, на которых душа его выросла. Либо она будет ему неприятна, как отголосок грубой черни, с которой он ничего в себе не чувствует общего, либо, если в нем уже есть особенный музыкальный талант, она будет ему любопытна, как нечто самобытное и странное: как пустынная песнь араба, как грустная, может быть последняя песня горного кельта в роскошной гостинной Англии. Она ему ничего не напомнит. Подражание уже средоточит безжизненность. Что живо, то самобытно. Чем полнее существо человека, тем и лицо его выразительнее, непохожее на других. То, что называется общечеловеческой физиономией, значит не что иное, как на одно лицо со всеми, т. е. физиономия пошлая".[1]

Это, несомненно, также ответ на мысли и замечания Чаадаева. Об „общественной физиономии" писал как раз Чаадаев в том же „Философическом письме". „Все народы Европы,—писал он,—имеют общую физиономию, некоторое

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1 (Песни обрядовые), М., 1911 (стр. XXXI).

семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — все же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю... Кроме общего характера,—добавляет Чаадаев,— у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов".[1] Всего этого нет и не было, по мнению Чаадаева, в русской жизни, и он тщетно спрашивает себя, что можно было бы противопоставить этому у нас — и не находит ответа. В русском народе, у лучших русских умов, по Чаадаеву, нет твердости и уверенности, нет чувства непрерывности—русский человек видит себя точно заблудившимся в мире.

„В наших головах нет решительно ничего общего, все в них индивидуально и все шатко и неполно",[2] и отпечаток этой душевной пустоты Чаадаев видит даже во взгляде и выражении лиц „своих соотечественников".[3]

В ответ на это Киреевский выдвигал теорию о значении национального предания. Важность предания и сохранение живой традиции как одного из могучих звеньев культуры — вот основные положения теории Киреевского, которые позже легли в основу философии истории славянофильства и в свете которых предпринимал свою грандиозную работу по собиранию песен Киреевский. Впервые созидаемая в России научная фольклористика должна была явиться практическим применением исторических теорий зарождающегося славянофильства.

---

[1] Сочинения и письма Чаадаева, II, стр. 113.

[2] Ibid., стр. 115.

[3] Эту примечательную и характерную для Чаадаева цитату стоит привести целиком: „Мне кажется даже, что в нашем взгляде есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и неуверенное, напоминающее отчасти физиономию тех народов, которые стоят на низших ступенях социальной лестницы. В чужих странах, особенно на юге, где физиономии так выразительны и так оживленны, не раз, сравнивая лица моих соотечественников с лицами туземцев, я поражался этой немотой наших лиц" (ibid., стр. 115).

II

ПИСЬМА П. В. КИРЕЕВСКОГО

1

9 Июля 1832. С. Ильинское.

Милый друг и брат Языков!

Если ты на меня не сердишься за то что я тебе до сих пор не отвечал, то верно сам чувствуешь, как мне это совестно; впрочем, если ты даже и сердился, то верно также сам, вообразя мою совесть, уже почел меня удовлетворительно наказанным. Стало быть можно и не извиняться, а только поблагодарить тебя и послать тебе крепкое рукожатье за твои четыре письма![1]

Мы в Ильинском живем покуда и тихо и мирно и уединенно и все слава богу здоровы, кроме Маминьки, которая все еще пьет воды и часто от своей болезни страдает. Брат, по прошлогоднему, живет в Москве, только один раз приезжал сюда, в Петров день, и пробыл два дня. Папинька здесь с двадцатого Июня. Бакуниных слава богу нет, а вместо них Тютчевы, которые очень милы и так мало навязчивы, что их почти никогда не видно. Даже и в саду они никогда почти не встречаются. Они состоят из следующих персон: сам Н. Н., его жена, и дочь, сестра его жены, Завалишина, с дочерью (которая говорит что хорошо знает твоего брата П. М.) и старинный твой приятель Алексей Н. с своей сестрою, которая кажется вся в него; а еще к ним приехала на несколько времени Якушкина. Вся эта компания, не только кричать и визжать по Бакунински, но даже и встречаться в прогулках не имеет обыкновения, несмотря на свою наружную многочисленность. Прочие те же: т. е. Гермесы и Миллеры. — Вообще, еслиб ты был здесь, ты бы верно был доволен уединенностью Ильинского; жарко тебе тоже уж верно бы не было, потому что я с самого приезда не надевал ни разу летнего платья, а напротив, сижу в тулупе, и в тулупе зябну... Как жаль, что не удалась наша

[1] Разрядкою здесь и в других местах взяты слова, подчеркнутые в оригиналах. *М. А.*

надежда провести здесь июнь с Жуковским! Маминька тебе уж верно писала, каким образом он, чтоб поддержать свое расстроенное здоровье, должен был спешить на курс Эмских вод; и в Инвалиде ты верно читал и подробности его отъезда. Он воротится не прежде 1834 года: выпьет курс вод в Эмсе, проведет зиму в Италии, а потом поедет на Рейн, на курс виноградных.—А мы было не только надеялись на его присутствие в Ильинском, но думали, что ты поспешишь его здесь застать! То-то бы хорошо то было. Когда-то ты опять подымешься, и явишься на Государственную службу? Б. А. говорит Маминьке, что тебе в скором времени следует чин.

Комиссии твои отчасти уже исполнены, отчасти исполняются.—Я выслал к тебе часы, Боплана и Шульгина; Статистика Андросова также уже вероятно послана. За часы я остаюсь тебе должен 15 р.—Письмо, в котором ты пишешь о рукописях, брат взял с собою в Москву, чтобы показать его Погодину и сладить с ним как следует. Берендея тебе на днях вышлет Папинька, который завтра, или после завтра едет в Москву; но на самых строгих предписаниях. Одна из главных причин, почему я тебе так долго не отвечал, была та, что мне хотелось послать письмо вместе с Берендеем, а Папиньку надобно было долго упрашивать.

Славное вы дело сделали, что собрали так много песен, а мне это стыдно, что я еще до сих пор не собрал ни одной. Однако и я не отстану, и скоро примусь за дело.—Ты их лучше не присылай, а привези сам. Главное мое занятие покуда состояло,—кроме брожения и того долгого времени, которое ушло т а к,—в переводе шпанской трагедии El magico prodigioso, которую я скоро надеюсь кончить, и в которой ты мне должен перевести заглавие.

Читаю я особенно de Rerum Moscoviticarum, за которые тебя крепко обнимаю.

Получила ли наконец твоя Поэзия размах под широкошумными дубровами? Папинька уверен, что ты там не напишешь ни стиха, и заранее уж рассчитывает, как он будет угощать публику выигрышными бутылками.

Покуда прощай! Все наши тебя всячески приветствуют: и поклонами, и поцелуями, и рукопожатиями и объятиями.

И ныне и присно и во веки веков
Твой П. Киреевский.

Папинька поручает у тебя спросить, много ли ты наудил рыбы, и не попалась-ли тебе та стерлядь, которую ты ему послал?—В самом то деле Иван ее не привез, не помню по каким-то, но помню, что по каким-то справедливым причинам.

Ал. Петр. велел сказать, что циркуль давно готов, и что он его вышлет при первом случае, когда будет в Москве.

П. М. — Петр Михайлович Языков; *маминька* — Авдотья Петровна Елагина; *Б. А.* — Богдан Андреевич Гермес — начальник Межевой канцелярии, где служил Языков; *Брат* (он же *Иван*)—Иван Васильевич Киреевский; *Ал. Петр.*— Александр Петрович Петерсон; *папинька* — Алексей Андреевич Елагин; *„Берендей"* — сказка Жуковского, *Алексей Н.*— Алексей Николаевич Тютчев—товарищ Языкова по университету; *Якушкина*—жена декабриста, И. Д. Якушкина.

„El magico prodigioso"—религиозная драма Кальдерона. П. В. Киреевский очень много занимался переводами. В 1828 г. он опубликовал перевод поэмы Байрона „Вампир"; после его смерти был опубликован сделанный им перевод „Жизни Магомета" Ирвинга; в 20-х годах Киреевский перевел „Отелло" и „Венецианского купца" Шекспира,—оба эти перевода остались ненапечатанными. Особенно он увлекался переводами с испанского; в том же 1828 г. в „Московском вестнике" был напечатан сделанный им прозаический перевод комедии Кальдерона „Трудно стеречь дом о двух дверях"; по свидетельству В. А. Елагина, в бумагах П. В. Киреевского было обнаружено еще несколько совершенно законченных переводов Кальдерона.

„De rerum moscoviticarum" — знаменитое сочинение Герберштейна: *„Rerum moscoviticarum Commentarij"*.

2

1832. Сентября 9. Село Ильинское.

Вот тебе, брат Языков! еще послание из Ильинского. Следующее уже будет вероятно из Москвы, потому что наши уже неделю тому назад туда переехали, а я здесь еще доживаю только несколько дней, как отсталый журавль; хоть впрочем не подстреленный, а здравствующий. Маминьку Рамих уговорил переехать в Москву, для того, что кроме прежней болезни, от которой она часто страдала, она здесь еще очень часто простуживалась и сырость дома на нее производила вредное действие; а мы с Петерсоном сговорились воспользоваться последними днями хорошей осени и отправиться в Саввин монастырь. В удаче этого похода, однакож, теперь на меня находит сомнение; Петерсону было нужно съездить в Москву, разные дела продержали его там ровно шесть прекрасных и ясных дней, а теперь настал такой плач небес и скрежет холодного ветра, что не только до Саввина монастыря, а и до зáмка, едва ли можно донести на себе одну сухую и непродрогшую нитку.

Что-то ты делаешь в своей Волжской стороне, и скоро ли собираешься опять в Москву, на Государственную службу? Г[ермес]ы говорят, что ты непременно получишь чин в самом скором времени, и таким образом далеко опередишь меня на поприще честолюбия! Как бы ты хорошо сделал, еслиб явился к нам поскорее! Теперь уже полная пора, а по всей вероятности эта осень и зима

пройдут у нас весело; будет Рожалин, будет Шевырев, Кошелев, Хомяков, Баратынский, и вообще тебе будет с кем отвести душу.

Нового не могу тебе покуда сказать ничего, потому что сам ровно ничего не знаю; особенно с тех пор как вся Ильинская колония перебралась в Москву. От наших знаю только, что Маминька всё в одном положении, а остальные все слава богу здоровы, что Папинька возвратится из деревни не прежде начала будущего месяца, что брат уже десятый день живет в деревне у Кошелева, вместе с князем Одоевским, и что он на днях возвратится в Москву.

Что до меня касается, то я теперь совершенно углубился в народные песни и сказания. Есть ли ты так жесток, что до сих пор еще на меня сердишься, несмотря на повинную голову, которой и меч не сечет, то я надеюсь ответить тебе хоть тем, что похвалюсь подвигами, которые я сделал в продолжении этого времени. Во первых, я кончил Волхва, который между прочим мешал мне в последний месяц даже и писать к тебе; во вторых, собрал около 70 песен, и в третьих собрал 14 Стихов, которыми смело могу похвастаться. Эти Стихи, которые поют старики, старухи, а особенно нищие, и между нищими особенно слепые,—вещь неоцененная! Кроме их филологической и поэтической важности, из них вероятно много объяснится и наша прежняя мифология. Точно так же как многие из храмов древнего мира уцелели от разрушения, приняв на кровлю свою христианский крест, многие из наших языческих преданий сохранились, примкнув к песням о святых, либо по сходству имени, либо по сходству своего напева. Так, на пример в стихах мною собранных, упоминается о Черногоре птице, сидящей на Херсонских вратах, в словесном Киеве-граде, оките, на котором основан мир, и который колеблет его своими движениями, о звере, пробуравливающем землю для провода воды из моря, и проч.

Как же это не интересно.

В другой раз буду писать подробнее о том, что я нашел в здешней Ильинской Литературе и вообще буду писать больше; а теперь покуда надо кончить, потому что иначе не успею отправить письма.

Покуда прощай, обнимаю тебя крепко, и жду скорее в Москву.

Весь твой П. Киреевский.

Под *„стихами“* Киреевский разумеет „духовные стихи“. Мысль Киреевского о двоеверном составе наших „духовных стихов“, несомненно, правильна, хотя он, следуя господствующей тогда теории, чрезмерно преувеличивает значение мифологических элементов. В действительности,

духовные стихи — более позднего происхождения, и в них более чем в каком-либо другом виде фольклора сильно непосредственное влияние книжных элементов, главным образом — книг „священного писания". По определению позднейшего исследователя, „духовные стихи представляют в полном смысле религиозный эпос и лирику русского средневековья и самым своим существованием представляют близкую аналогию духовным песням средневековья Византии и Западной Европы" (Лит. Энциклопедия, III, с. 609—610; статья Б. М. Соколова).

Духовные стихи опубликованы Киреевским в 1848 г. после четырехлетних утомительных хлопот; деятельное участие в этих хлопотах принимал и Языков, действуя через своего приятеля, чиновника Цензурного комитета В. Д. Комовского (неопубликованная его переписка—в ИРЛИ). Напечатаны „Духовные стихи"—в „Чтениях в имп. О-ве ист. и древн. российских при Моск. ун-те.", 1848, № 9).

„*Черногор-птица*", „*Херсонские врата*" — упоминаются в стихе об Егории Храбром (№ II, стр. 330 — 345); „*Словесный Киев-град*" — в стихе „О Борисе и Глебе" (VI, стр. 1—5). „*Кит-рыба*" — в стихе „О голубиной книге" (№ XI, стр. 162—170); „*зверь*" — вероятно Индрик-зверь (там же).

3

12 Октября. 1832. Москва.

Во-первых, восприими сугубое поздравление! Да здравствуешь ты как кум Каролины и как Регистратор Коллежский! Первый сан уже возложен на тебя 6 чис. текущего месяца, по случаю вступления в свет Пелагеи Ивановны Чухломской, а торжественное возложение второго должно непременно воспоследовать в самом скором времени, потому что уже две недели тому назад пошло в П-бург представление от Б. А-ча, а еще не было примера, с тех пор как свет стоит, чтобы его представления не были утверждены немедленно. — Надеюсь, что тебя то и другое возвеселит и возрадует. Теперь уже полная пора тебе наконец возвратиться в наш златоверхий град, себе на зимование, куме на кумование, а нам на повидание; кроме того это будет нужно и для присягания.

У нас все слава богу идет хорошо, Маминьке лучше и она теперь вообще стала веселее прежнего, а остальные все здоровы; Папиньку ждем со дня на день из деревни. Недели две тому назад у нас был кн. Одоевский, с своей благоверной княгиней, провел у нас недели две и уехал назад в П-бург. Он скоро будет печатать собрание своих повестей, которые исполнены большого таланта, и соединяют музыкальное изящество с глубокомыслием. Пушкин также был недели две в Москве и третьего дня уехал; он учится по еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен как можно скорее издавать Русские песни, которых у него собрано довольно много; я думаю ему послать копию с моего собрания, но для этого нужно наперед

твое соизволение. Полевой также скоро издаст 400 собранных им песен. Это все дела великолепные!

18 Октября. Здесь я перервался по случаю Папинькиного приезда и теперь только опять добрался до пера чтобы продолжать тебе рассказ о наших новостях, которые вероятно еще не успели к тебе дойти другими дорогами. К нам возвратились наконец Шевырев и Максимович; последний по прежнему вял и киселен и говорит между прочим: какое странное дело! все говорят что Кавказ интересен, а мне он не оставил ни одного воспоминания!— Шевырев же возвратился с приобретениями богатыми, и есть большая надежда, что очень скоро займет место профессора в Московском Университете; характером он также жив и молод как был, но много возмужал сведениями и в продолжении трехлетнего отсутствия сделал столько сколько редкие могут сделать. Кроме Римских древностей и итальянского искусства, которым всякий, не совсем рыхлый человек, почти невольно занят в Италии беспрестанно, он много занимался языками и литературами классической древности,—кроме того выучился по английски и по испански, а итальянский язык с литературою знает как свои пять пальцев. Все это обещает благотворно отозваться на Университете.—От Рожалина мы получили письмо третьего дня; теперь его здоровье почти совсем, слава богу, поправилось и в марте он выедет сюда.—Баратынский теперь совсем поселился в Москве, живет своим домом, и пишет роман, который он скоро думает кончить.— О Погодине уже давно ничего не знаю; а Полевого Воейков посадил в Сумасшедший дом; я не помню всего куплета, я помню только что он кончается так:

Подл как раб, надут как барин,
Он, чтоб разом кончить речь,
Благороден — как Булгарин,
Бескорыстен — так как Гречь.

Познакомились мы с твоим Бартеневым! это человек презамечательный; но как мне досадно, что ты не был свидетелем тех уморительных сцен, которые у него были с Чадаевым! Он напал на его слабую сторону и подкуривая фимиам его полусумасшедшему самолюбию, дурачит его так, что глядя на них когда они вместе, трудно не лопнуть со смеху. Вспомни важную фигуру оберев., [?)[1]] и вообрази себе что Барт [енев] при целом обществе говорит ему без обиняков, что он врет чепуху, что он

[1] По остроумной догадке В. В. Гиппиуса, быть может следует читать *оберъевнуха* (срв. М. Гершензон, П. Я. Чаадаев, М. 1908, стр. 22; также М. Жихарев, В. Евр. 1871, VII, стр. 183).

Дон-Кишот, а в ту же самую минуту умеет так ублажить его самолюбие фимиамом, что Чад[аев] остается доволен.—Вообрази себе например, что у Свербеевых, при большом обществе, Чад[аев] входит своими важными и размеренными шагами, воображая что его каждое движение должно произвести глубокий эффект, а Барт[енев] кричит ему навстречу: А! здорово, лысый доктринер!—Теперь он уехал в свою Кострому, но авось либо скоро опять воротится. Я уверен что эти сцены, когда ты их увидишь, рассмешат тебя на несколько лет.

Остается еще рассказать тебе две истории трагические, которые теперь ходят по Москве. В Твери случилось недели две тому назад ужасное происшествие: зарезали молодого Шишкова! Он поссорился на каком то бале с одним Черновым, Чернов оскорбил его, Шишков вызывал его на дуэль, он не хотел идти и чтобы заставить его драться, Ш. ему дал пощечину; тогда Ч. не говоря ни слова вышел, побежал домой за кинжалом и возвратясь остановился ждать Ш. у крыльца, а когда Ш. вышел чтоб ехать, он на него бросился и зарезал его. Неизвестно еще что с ним будет, но замечательна судьба всей семьи Черновых: один брат убит на известной дуэли с Новосильцовым, другой на Варшавском приступе, третий умер в холеру, а этот четвертый, и, говорят, последний.—Вторая история трагическая потому, что она была жестоким и может быть еще опасным ударом для 90 летнего старика, которого нельзя не уважать; а именно для твоего начальника. Лазарев поступил с женою совершенно по армянски: он уверил ее что простил и забыл все, убедил ее отдать ребенка в восп[итательный] дом; а теперь ее бросил. Это хотели скрыть от старика и для того уговорили одного родственника Лазарева, также армянина. . . , чтоб он сказал Б. А. от Лаз[арева], будто он оставляет жену вследствие честной ссоры, по несогласию характеров и т. п. а этот армянин рассказал все как было, и услышавши Б. А. едва не умер на месте.—Но теперь однако же, как говорят, он слава богу опять поправляется.

Вот тебе кажется все наши новости, по крайней мере все которые мог я припомнить.—Прощай покуда. Да приезжай скорее присягать.

Обнимаю тебя
Весь твой
П. Киреевский.

Кум Каролины — т. е. Каролины Карловны Яниш, впоследствии Павловой, известной поэтессы и переводчицы.

Куплет о Полевом — в „Сумасшедшем доме“ А. А. Воейкова имеет такой вид:

49

Вот в порожней бочке винной
Целовальник Полевой —
И бесштанный и бесчинный...
Сталось что с его башкой?
Спесь с корыстью в ней столкнулись
И от натиска того —
Ум и сердце повернулись
Вверх ногами у него,

50

Самохвал, завистник жалкой,
Надувало ремеслом,
Битый Рюриковой палкой
И санскритским батожьем...
Подл, как раб, — надут как барин,
Он, чтоб вкратце кончить речь,
Благороден, как Булгарин
Бескорыстен так, как Греч.

Эти стихи являются кульминационным пунктом длительной полемики между А. Ф. Воейковым и Н. Полевым. Весьма обстоятельный фактический обзор этой полемики сделан в только что вышедшей работе Вл. Н. Орлова „Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов", Л. 1934 (см. стр. 402—405), однако автор слишком переоценивает значение личной стороны характера Воейкова и совершенно не касается коренной противоположности социальных позиций обоих журналистов. Травля Полевого, которую беспрерывно вел Воейков, была главным образом травля политическая. Чрезвычайно характерно, что эти „личные" взгляды Воейкова с удовольствием принимались и смаковались людьми, абсолютно противоположными Воейкову по нравственным сторонам характера, как, напр., тот же П. В. Киреевский, по политически более близкими ему, чем Полевому.

Пушкин очень долго носился с мыслью *об издании сборника русских песен*; эту задачу одно время (1828 г.) предполагал он осуществить вместе с С. А. Соболевским (См. Русск. арх., 1909, VII, стр. 502—503). Мы не располагаем подробными сведениями об этой работе Пушкина, но несомненно, что Пушкин очень серьезно готовился к этой задаче. Н. М. Языков в одном из писем к брату сообщает: „Пушкин сличил все напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, доныне ведь они издавались без всякого толку". Сам Языков, впрочем, скептически относился к этим планам Пушкина и не верил в их серьезность и реальность, однако данное письмо Киреевского показывает, насколько неправ Языков в своем скепсисе.

Очевидно, план издания, которым несомненно поделился Пушкин с Киреевским, показался последнему настолько заслуживающим внимания, что он предполагал даже отдать Пушкину и свои и языковские записи. Но Пушкин не осуществил своего намерения, наоборот, сам отдал свои записи Киреевскому; позже возник новый проект: Пушкин напишет предисловие к сборнику, который подготовят и издадут Киреевский и Языков (см. 15-е письмо).

В бумагах Пушкина нашлись следы работы его над статьей о песнях. Это—план статьи, впервые опубликованной Н. К. Козьминым в сборнике „Неизданный Пушкин" и произвольно им озаглавленной „План статьи о русской литературе с очерком французской"; правильное чтение установил Ю. Г. Оксман (Пушкин. ГИЗ, т. V, стр. 759): „План издания русских исторических песен". Очень вероятно, что это набросок предисловия для собрания Киреевского. Датировка Ю. Г. Оксмана: 1831—1832 вполне подтверждает такое предположение, как в свою очередь письмо Киреев-

ского оправдывает эту датировку. Н. К. Козмин датирует эту запись 1834 годом.

Что касается песен, переданных Пушкиным Киреевскому, то они долгое время считались утраченными, пока не были обнаружены в копии Киреевского в бумагах последнего, — опубликованы М. Н. Сперанским: „Песни собранные П. В. Киреевским", новая серия, вып. II, ч. 2, М. 1929); из них 32 свадебных и 15 необрядовых кроме того две песни были опубликованы П. А. Бессоновым („Песни собранные П. В. Киреевским", вып. V, стр. 137, и X, стр.211), и одна в „Русской беседе" (1857, II). Наконец, в собрании же Киреевского обнаружена одна песня в автографической записи Пушкина; таким образом, общее количество песен, переданных Пушкиным Киреевскому, определялось в 50 номеров. Это же число называет и сам Киреевский в одной из своих рукописных заметок. В предисловии к „Духовным стихам" Киреевский писал: „Пушкин еще в самом почти начале предприятия доставил замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губ.". Однако, записи Пушкина сделаны не только в Михайловском, но и в Болдине (т. е. в б. Нижегородской губ.) По свидетельству П. Бартенева и Буслаева, Пушкин среди подлинных записей включил и свои „подделки". Впрочем, П. Бартенев говорит только об о д н о й песне, сочиненной самим Пушкиным. Н. О. Лернер высказал весьма вероятное предположение, что такой подделкой может быть песня „Уродился я несчастлив, бесталанлив". Менее убедительны доводы Н. О. Лернера об авторстве Пушкина в других песнях.

Вышеприведенные строки были уже написаны, когда я ознакомился (по любезно предоставленной мне корректуре) с комментарием М. А. Цявловского в его книге „Рукою Пушкина". М. А. Цявловский правильно обращает внимание на сохранившееся продолжение „плана издания исторических песен", написанное на обороте последнего:

Свадьба
Семейственные причины. Элегический их тон.
Лестница чувств.

Таким образом, в план статьи, а стало быть и сборника, должны были входить и свадебные песни. М. А. Цявловский справедливо пишет по поводу этого отрывка: „Перечень первых (исторических песен) в плане статьи называет все главнейшие циклы их, начиная с песен об Иване Грозном и кончая солдатскими песнями при Суворове. Задачей дальнейших изучений должно быть определение тех печатных источников, по которым Пушкин изучал эти песни. Пока можно с уверенностью сказать, что в первую очередь данным источником были сборники Кирши Данилова и „Новиковский сборник" 1780 г. Слова плана „Новейшее влияние. Мера, рифмы... Сумароков"—свидетельствуют о глубоком понимании Пушкиным поэтики исторических песен, до сих пор с указанных им точек зрения неизученных.. Не менее замечательны и заключительные строки плана о свадебных песнях. Намеченная здесь интересная характеристика их основана на материале, собранном самим Пушкиным".

Бартенев Юрий Никитич (1792—1866)—в тридцатых годах директор училищ Костромской губернии. Был членом массонской ложи „Умирающий сфинкс", на почве интереса к философско-мистической литературе сблизился позже с А. Н. Голицыным, под начальством которого прослужил ряд лет в почтовом департаменте в Москве (1836—1844). В Москве Бартенев вращался в литературных кругах и был близок со многими писателями. Сохранился его альбом с автографами Пушкина, Вяземского, Одоевского, Растопчиной, Полевого, Загоскина, Полонского, Щербины, Языкова и мн. др. Языков вписал в альбом свое „Подражание XIV псалму" (Об альбоме Ю. Н. Бартенева — см. публикации Б. Л. Модзалевского: „Пушкин и его современники", XV, и Изв. Отд. Русск. яз. и слов., 1910, 4). Н. В. Берг так характеризует Бартенева в своих воспоминаниях: „...всю жизнь корчивший шута и говоривший особым языком, дававший всем прозвища, человек не глупый, но скучный и неприятный" (Русск.

стар. 1891, кн. 2, стр. 254). В „Русск. архиве" (1866, тт. I, II, III, и 1879, III) опубликованы воспоминания самого Бартенева, центральное место в которых занимает фигура кн. А. Н. Голицына.

Напечатанные здесь курсивом буквы *о* в письме Киреевского подчеркнуты и, очевидно, воспроизводят характер сильно окающей (костромской) речи Бартенева.

4

16 Ноября 1832 Москва.

Письмо твое от 2 Ноября я получил вчера, а сегодня по счастию случился почтовый день, пользуясь которым, посылаю тебе твою тетрадь. Да плодится она, да умножится и возвеличится, да минует иудейского обрезания руками Цвет[аева], да обретет инаго христианейшего крестителя, и да поспешит просиять в полном блеске и в полной славе! Одоевск[ий] говорил здесь, что словесное племя московское никогда не должно оставлять на своих детях увечья, наложенного руками здешних цен[зоров]; что родители всегда должны их посылать на излечение в Петербург, в высшее Пр[авление] Цензуры, что всякий на то имеет право, и что почти всегда изувеченные возвратятся оттуда целы и невредимы.

Не воспользуешься ли ты этим советом?

А пуще всего, когда же ты к нам возвратишься? Когда ты в своем последнем письме говоришь, что ты в конце этого месяца выезжаешь, я никак не ожидал прочесть дальше—в С ы з р а н ь!! Без тебя здесь и скучно и пусто и недостаточно: и беспрестанно припоминаются стихи одного из наших великих поэтов:

И слишком многого не много
И многого недостает!

А кроме того и дела по Межев[ой] Канц[елярии] совсем остановились, и приехать тебе нужно будет скоро.

У нас здесь все слава богу здоровы. А новости вот все какие припомню: есть недавние известия от Жук[овского]; ему слава богу лучше и он собирается ехать в Италию. Неделю тому назад мы все были на свадьбе у Киреева, которого молодая жена так хороша, что ни пером не описать, ни языком не сказать. По Лит[ературной] части совершено следующее: Повести Луганского не только вышли, но уже и запрещены. Вышли сочинения Д. Давыдова и Повесть А н д р е й Б е з ы м я н н ы й, которой еще я не читал, но которую многие приписывают Б-у. Газета Пушкина будет, как говорят, выходить каждый день и величиною равняться с Journ[al] des Deb[ats]. Полевой обещает продолжать Вивлиофику и сверх того

написал уже новый роман Суд божий, который уже и продал, как слышно, за 10.000. Строев, говорят, готовится приступить к изданию грамот, им собранных. Максимович издаст голоса малорос[сийские], положенные на музыку Алябьевым. Полевой также объявил уже об издании Русских песен; у Венелина готов 2-й том Болгар. . .

Но пора кончить; до другого раза.

Крепко тебя обнимаю и нетерпеливо жду. — Все наши также.

Вечно твой
П. Киреевский.

Если случится собирать стихи, то обрати особенное внимание на Стихи о Голубиной книге.

Цветаев—Лев Алексеевич Цветаев, московский цензор; о нем Языков писал в одном из писем: „сей Лев—осел".

„Повести" Луганского, о которых упоминает Киреевский, в действительности имели другое заглавие. Здесь, несомненно, речь идет о сказках, выпущенных Далем под заглавием: „Русские Сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками народными разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый". СПб, 1832. На титульном листе эпиграф: „И много за морем грибов да не по нашему кузову".

„Сказки" эти были, однако, немедленно же конфискованы, и Даля, по свидетельству современника, спасли только его „служебные заслуги", как бывшего военного врача, принимавшего участие в военных кампаниях и „лично известного государю". Между прочим, каждая сказка в сборнике Даля была посвящена кому-либо из его друзей. Третья сказка посвящена Н. М. Языкову.

Андрей Безымянный—исторический роман из эпохи начала царствования Петра I (Андрей Безымянный. Старинная повесть. М., 1831). Содержанием его служит „борьба старинных правов и ревнителей старины" „с преобразованиями, вводимыми Петром". Предположение Киреевского, что автором этой повести является Бестужев-Марлинский — ошибочно; в действительности она принадлежит декабристу А. О. Корниловичу.

Точное заглавие *сборника Максимовича-Алябьева* следующее: „Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Тетрадь первая". Москва, 1834. На титульном листе эпиграф: „Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни". Н. Гоголь. „О малороссийских песнях". Цензурное дозволение: 22 июня 1834 г. В этот сборник вошло 25 песен с гармонизацией Алябьева.

Предполагаемое *издание Полевым русских песен* не состоялось. Вообще же Полевой уделял огромное внимание народной словесности. Относясь отрицательно к тому направлению, которое, по его выражению, „было внесено Пушкиным и Жуковским" и которое он характеризовал как подражательное, Полевой тем большее значение придавал непосред-

[1] Знаменитое в свое время собрание Зориана Доленги-Ходаковского так и осталось не опубликованным, за исключением некоторых извлечений; часть собрания попала в руки М. А. Максимовича, который частично воспользовался им для своих сборников. Позже эту часть собрания Ходаковского (из бумаг Максимовича) готовил к печати Науменко, однако издание также не осуществилось; подготовленный же им или, вернее, переписанный экземпляр собрания Ходаковского хранится ныне в Библиотеке Всеукраинской Академии Наук (Киев). О собрании Ходаковского—

ственному материалу народной поэзии. Он опубликовал в „Московском Телеграфе“ былину об Илье Муромце, анонсировал публикацию сборника народной поэзии, составленного им еще в Сибири; позже он приобрел собрание песен польского этнографа Ходаковского, которое также предполагал опубликовать, однако из всех его планов и начинаний в этой области ничего не вышло.[1] Но имя Полевого должно быть отмечено в истории русской фольклористики как одного из первых, вставших на путь научного изучения памятников фольклора и отчетливо осознавших научное и общественное значение народной поэзии. Взгляды Полевого на нее во многом предвосхищают взгляды Белинского.

Стих о голубиной книге—один из самых замечательных памятников русского фольклора космогонического характера содержанием его служат вопросы мифического царя Волотомана Волотомановича о происхождении мира и его различных явлений и ответы на них царя Давыда, которые он читает в упавшей на землю „голубиной (т. е. глубинной) книге“. Источниками „стиха“ является ряд средневековых апокрифических книг. Пессимистические и эсхатологические настроения „Голубиной книги“ дают возможность утверждать, что окончательное оформление этого стиха на русской почве произошло в конце XIV века. По мнению исследователей, в нем „отразилась социально-политическая борьба, обостренная в псковско-новгородском крае в период падения независимости Новгорода и Пскова“.

5

23 Ноября 1832.

Вот тебе, мой любезнейший, т р о е [с] т р о ч и е: и потому оно а не другое что обширнейшее, что теперь уже одиннадцатый час, следовательно почта торопит, а материи, которые тебе сообщить надлежит, испортятся если их оставить до следующей середы.

Во первых, поздравляю тебя с именинником.

Во вторых довожу до твоего сведения, что Фишер, во бусурманстве Готгельф, на русском православном языке называется Г р и г о р и й И в а н о в и ч.

В третьих объявляю, что [в] Москве появилось теперь радикальное, несомненное и саморешительнейшее лекарство против всякого рода зубных болей; многими из наших испробованное и на опыте подтвержденное. Оно называется Парагвайский Бальзам и только ожидает твоего приезда сюда, чтобы навсегда тебя от зубной боли избавить и освободить.

В сумме крепко тебе жму руку и нетерпеливо тебя жду.

Весь и всегда твой П. Киреевский.

см. А. Н. П ы п и н. История русской этнографии, т. III, СПб., 1891; Fr. Rawita-Gawronskiy, Zorian Dolęga Chodakowsky. Lwow, 1898. Сообщение Кс. Полевого, что собрание Ходаковского не могло быть опубликовано вследствие преобладания непристойных элементов, ни в коем случае не может быть принимаемо серьезно, и является, несомненно, попыткой как-нибудь оправдать брата, Н. А., не выполнившего своих обязательств по опубликованию рукописей Ходаковского.

6

30 Ноября 1832. Москва.

Посылаю тебе, мой вселюбезнейший, шубу медвежью, которую папинька вчера купил за 300 р. мон.; а между тем пользуюсь благоприятным случаем, чтобы вслед за нею пустить и несколько строчек письменных.

Вслед за твоим письмом с деньгами, мы получили еще другое, также из Корсуни от Валуева, в котором заключаются между прочим следующие слова, треснувшие нас всех как обухом по-лбу: вскоре может быть я должен буду вас уведомить, что ваш хороший приятель Н. М. Языков хочет сделаться нашим деревенским жителем; не знаю от чего произошла вдруг такая перемена!!!!!!!!!

Можешь вообразить какое недоумение оставили в нас эти таинственные выражения, а особенно это таинственное вскоре. Не знаем: радоваться ли и поздравлять ли тебя, или грустить и печалиться?

С нетерпением ожидаю, чтобы ты нас вывел из этого мучительного лавиринфа, в котором и зги не видно.

А между тем должен кончить, потому что иначе опоздаю. В другой раз больше. Покуда прощай, обнимаю тебя крепко на крепко.

Весь нежно твой
П. Киреевский.

7

10 Генваря 1833. Москва

Хоть заочно, но крепко и костохрустно, обнимаю тебя в знамение душевного поздравления с новым годом, который я надеялся и встретить и еще надеюсь провести вместе с тобою, несмотря на твое загадочное молчание и упорную безответность об этом предмете! — Да здравствуешь! да высится, да красуется и да сияет твоя глава, как священные главы кремлевские, себе на честь, а нам на славу! Все наши также тебя поздравляют всем сердцем и всей душею. Мы все, слава богу, встретили новый год и здоровые и веселые, но живо чувствовали твое отсутствие, и совершили тебе торжественное возлияние, выплеснув на воздух часть заздравных бокалов.

Мудреный ты человек! зачем ты упрямо отделываешься фигурою умолчания ото всех вопросов о твоем возвращении? Покуда ты не написал, когда ты по крайней мере имеешь намерение возвратиться, поневоле берет соблазн опять спрашивать об том же.

17 Июл 1833. Воронеж.

Каким-нибудь тоск собираю и благодарю за ваше
желание иметь вы также сокровище,
какое Одесса и не обладает. Мне только можно
гордиться богатством и величием нашего народа
пред всеми другими народами, которому
быть далее и сильнее Италии в этом не уступить,
не смотря на то, что там все благоприятствует
сохранению народных преданий, и у нас всякое
старание будет бесполезно — старание их ис-
гладить и их заставить; несмотря и последние 150 лет
разрушительные, которые были, нельзя не
изумляться, как сохранилось столько. Это прекрасная
надежда, которая в своей обширности одна само-
поклонение рождает. Надо поклониться отцам и ищу
потребности всей великой отрасли восточной
тебе поставить на их место своего дикого
арнаутского, которое ныне они довели до невидимости
в нынешней толпе. Я-ко отличаться по нелепости
во многом, не существующей своей уникальностью
мысли, — так мой бренный, что мне часто карета
наездо всех великих и наших. Наше родина больше
нежели добрых людей. Народ, которым я сам существую.

Первая страница письма от 17 июля 1833 г.

(См. стр. 42 и 43, письмо 12-е.)

Из собрания Института русской литературы.

Посылаю тебе твои стихи, которые до сих пор не выслал потому, что по несчастью к тебе ходит почта только один раз в неделю, и потому, опоздавши раз (что легко может случиться и теперь именно случилось) должно уже, как само собой разумеется, ждать целую неделю новой почты.—Ящик с книгами и металлами я от Грефа получил и теперь остаюсь только в ожидании обещанного Симбирского купца.

Нового у нас нет почти ничего кроме слухов (впрочем, по несчастью слишком достоверных) о тяжелой, невознаградимой потере Б.— который, как говорят, убит на славном Гимрийском приступе, где пал и Кази-Мулла.

В Москве теперь царствует болезнь, известная под именем г р и п а или гриба; она хоть и не важна, потому что ограничивается трех или четырех дневною головной и горляной болью, но замечательна тем, что овладела здесь, по уверению многих, видевших донесения, в Петербург отправленные, больше нежели 140.000 горлами.

Папинька уехал в деревню тотчас после встречи нового года и думает там пробыть месяца полтора; Петерсон также (4 ч.) месяца на два отправился в Одессу, где ему необходимо было явиться лично для приведения в порядок своих бумаг и для того, чтоб наконец совершенно на этот счет успокоиться. Шевырев, которого будущее профессорство уже несомненно, уехал в Саратов чтоб повидаться с родными и работать над сочинением, заданным ему от университета.

Недели две тому назад я наконец в первый раз слышал (у Сверб[еевых]) тот хор цыган в котором примадонствует Татьяна Дмитриевна, и признаюсь, что мало слыхал подобного! Едва ли, кроме Мельгунова (и Чад[аева], которого, я не считаю русским) есть русский, который бы мог равнодушно их слышать. Есть что то такое в их пении, что иностранцу должно быть непонятно и потому не понравится; но может быть тем оно лучше. Т. Д. поручила тебе кланяться.

Вот название с т и х о в у меня находящихся: О Борисе и Глебе, Об Осипе Прекрасном, О Христовом рождении, О Егории Победоносце, Об Осафе Царевиче, О Лазаре убогом, О Голубиной книге, О трех древах, О Федоре Тыринове, Об Алексее Божьем Чел[овеке], О Грешной душе, О страшном суде и О Пречистой Деве.—Но по большей части в недостаточном и искаженном виде. Тут нужны необходимо варианты.—Помогай тебе бог собирать их как можно больше, а когда наконец явишься в Москве, то сличим. Я между тем также буду здесь продолжать собрание.

Покуда прощай, до следующего раза.

И головой и сердцем и душою

Весь твой П. Киреевский.

Я тебе должен 29 р. 80 к.; т. о.: 15 м. осталось от платы за часы, и 14.80 от шубных денег. Хотел было к тебе их отправить, да подумал, не лучше-ли их оставить комиссионной кассою, и отправить их тебе в таком случае, если в твоем следующем письме комиссии не будет.

Слухи о смерти Бестужева очень часто волновали общество в начале 30-х годов и являлись яркой иллюстрацией популярности Бестужева в определенных слоях читателей этой эпохи; Языков и, видимо, Киреевские принадлежали также к числу его „страстных почитателей". Прозу Марлинского Языков решительно ставил выше „Повестей Белкина". 22 декабря 1831 г. Языков пишет брату: „Лейтенант Белозор" меня восхитил. Какой мастер своего дела, А. Б.: Какая широкая кисть и какой верный взгляд и искуство ставить предмет перед глаза читателя, живо, ярко и разительно. Что после или же далеко лет за 8 прежде этого Белкин? Суета сует и всяческая суета" (ИРЛИ). Белинский проявил, несомненно, большую чуткость когда подчеркивал некое идейное и стилистическое единство Языкова и Марлинского.

Перечень стихов—здесь Киреевский упоминает пока еще только о 13 „стихах"; в опубликованный им сборник вошли 55. Стих о Федоре Тыринове вошел в издание под заглавием „Стих о Федоре Тиропе". Варианты не опубликованы и послужили материалом, на основании которого Киреевский устанавливал окончательную редакцию.

Татьяна Дмитриевна—знаменитая цыганка Таня (Татьяна Демьяновна), воспетая Языковым. Языков посвятил ей три пьесы: „Весенняя ночь", „Перстень" и „Элегия" („Блажен кто мог на ложе ночи"). См. комментарий к этим пьесам в нашем издании стихотворений Н. М. Языкова. Academia, 1934, стр. 807—808.

8

1833. 8 Марта. Москва

Сущая беда с этой почтою, которая отходит в Симбирск только раз в неделю, и то ни свет ни заря! вот уже четыре середы таким образом у меня выскочили из под пальцев, да и теперешнюю я поймал только за маленький кончик, на котором только несколько строчек упишется.

Крепко тебя обнимаю и от души благодарю за великолепный ярманочный гостинец, в котором я гуляю, как пава по сеням. Папинька также поручил тебя благодарить; он сам к тебе скоро будет писать, а покуда велел от него написать следующие два стиха:

Не дари меня ты златом,
Подари меня собой.

К нам из твоих волжских сторон все приходят вести ужасающие. Недавно приехал из Симбирска один твой знакомец Карпов, который сказывал Валуеву, что его дискать дядюшка Николай Михайлович совсем основался в Сим-

бирске, хочет сделаться хозяином, а в Москву и совсем ехать не хочет!! думает даже подать в отставку!!!

А дядюшка Николай Михайлович не пишет об этом ни слова, акуратно отвечает на все остальные вопросы, а об этом молчит, как будто его и не было! — Неужели молчание знак согласия?

У нас слава богу все довольно здоровы. Новостей сегодня не успею написать никаких, кроме того, что мы получили письмо от Жуковского от 29 Генв. в котором он посылает тебе свое объятие. Ему теперь слава богу гораздо лучше, он живет в городке Верне́ недалеко от Веве́, заметно выздоравливает, и даже пишет. Вот что он пишет к Вяземскому: „Я думаю опять взлесть на свою Музу, и задать ей Поэму". В Италию он, кажется, не поедет.

Однако пора кончить. Прощай покуда.

Весь и вечно твой

П. Киреевский.

9

12 Апреля 1833. Москва.

Христос воскресе! — Обнимаю тебя, и поздравительно, и благодарственно за Сочин[ения] Языкова! — Впрочем на этот раз я тебя благодарю за появление Сочинений Языкова и наслаждение, доставленное мне их совокупностию, а еще не за экземпляр, которого я ожидаю от твоея великия и богатыя милости и с твоим рукоприкладством, и за который буду еще благодарить тебя впредь. Присланные из Петербурга 11 экз. текли аки мед сладостный по моим усам, а в рот ко мне не попали, потому что их было 11, а персон, ассигнованных на получение оных — 12; и я только с тем согласился быть двенадцатым, чтобы уже без всякой совестливости требовать у тебя дополнительного двенадцатого экземпляра, который в вознаграждение за мое точное и бескорыстное доставление 11 остальных, должен быть украшен твоим собственным, законным и подлинным рукоприкладством.

Благодарю тебя также и за твое письмо, из которого видно, что ты на меня не сердишься, несмотря на мое долгое молчание. Только в нем есть один пункт, который меня испугал: что за мысль подавать в отставку, уже выслуживши срок на получение чина, и не дожидаясь чина, которого ты теперь вправе требовать по всей справедливости, тем больше, что уже давно пошло об тебе представление! Получивши его другое дело: тогда я

не только не пожелаю, чтобы ты нес тяжелое бремя хлопотной межевой службы еще до следующего чина, но и сам последую твоему примеру, наскуча всем бренным блеском мирской славы, суетами честолюбия и трудами, связанными с званием всякого Государственного мужа. — Но покуда, ради бога не торопись! зачем терять плоды двух лет, по счастию уже прошедших?

Однако опять пора кончить и отложить все, что я еще хотел писать, до следующего раза. Покуда вот главная новость: говорят, что есть верные доказательства что Марл[инский] жив, несмотря на все прошедшие слухи, и что даже есть недавние письма от него самого. Покуда прощай. — Все наши слава богу здоровы, тебя обнимают, благодарят, поздравляют и с тобою христосуются.

Весь и вечно твой
П. Киреевский

Скажи пожалуйста, как поступить с Вальтер-Скот[товой] Историей Наполеона? Папинька говорит, что ты ему сказал, что она тобою у Погодина куплена, а Погодин уверяет, что ты не покупал и требует назад. — Отдать ли ее или не давать?

В апреле 1833 г. вышли в свет „*Стихотворения Н. Языкова*“, о получении которых и уведомляет Киреевский. Одиннадцать экземпляров были присланы ему из Петербурга ведшим это издание В. Д. Комовским для раздачи московским друзьям и знакомым.

В пачке копий писем Петра Киреевского к Языкову, находящихся в архиве Д. Н. Садовникова, имеется еще одно письмо без даты, но относящееся к данному же сроку, так как оно связано с получением „Стихотворений Н. Языкова“. Основываясь на указании Д. Н. Садовникова, я также считал это письмо принадлежащим П. Киреевскому и дважды делал на него ссылки: в своем издании стихотворений Языкова („Academia“ 1934) и в статье „Из переписки Языкова с В. Д. Комовским“ (Лит. наследство, 1935, № 19—20), однако сопоставление этого письма с письмом от 12 апреля заставляет предположить, что Д. Н. Садовников ошибся и данное письмо принадлежит не Петру, а Ивану Киреевскому. В пользу этого предположения свидетельствует и обращение („Здравствуй, друг Языков, да здравствуешь!“), характерное для Ивана, но чуждое Петру. Приводим текст этого письма:

„Здравствуй, друг Языков, да здравствуешь! — Это слово от полного сердца, проникнутого восторгом. Хотя стихи твои все почти были знакомы мне прежде, однако действие, которое производит твоя книга, совсем новое и неимоверное, как брови Татьяны Димитровны. Я читаю ее всякое утро, и это чтение настраивает меня на целый день, как другого молитва или рюмка водки. И не мудрено: в стихах твоих и то и другое: какой-то святой кабак, и церковь, с трапезой, во имя Аполлона и Вакха. — То же действие, какое на меня, производят стихи твои на Баратынского и Хомякова. Почти каждый день говорим мы об них и всякий раз находим сообщить друг другу что нибудь новое. Недавно у последнего, т. е. у Хомякова был прощальный ужин, после которого мы читали тебя до самого солнца, и в эту ночь верно не спал и ты.

Теперь особенно хотел бы я, чтобы ты приехал сюда: если сочувствие друзей и других может возбудить к труду, то ты перестал бы здесь лениться".

10

Мая 3. 1833.

Посылаю тебе трофей, взятый моей стрелецкой удалью у девятнадцати соперников, между которыми не было худых стрелков, а было несколько и таких, которые считаются первыми стрелками царства Московского! Да будет он тебе памятником моего, славного на стрелецких состязаниях имени, хоть и бусурманскими буквами на нем иссеченного! Да освещается он взмахами поэтической десницы твоей, да заменит бренное стекло благородным металлом, не уступающим и тогда, когда удар судьбы его повергает об пол, и да приближается чаще к вещим устам твоим, миру во славу, тебе во услаждение, всяческому же тлену суеты мирской во забвение.

Но только — ради моих победных выстрелов! да не подвергается межевая канцелярия общей участи морских сует! Что тебе значит подождать по высшей мере месяца полтора или два? А между тем получишь чин без всякого сомнения, потому что сам Богд. Андр. говорил, что представление пошло в Пбрг давным давно, и что ответ должен быть скоро.

Твое последнее письмо от 15 Апр. заставило меня несколько беспокоиться об участи писем гр. Хвостова, его стихотворений, и книг Иакинфа, из которых первые отправлены мною еще на святой неделе, а последние в середу на фоминой. Неужели письма и посылка к тебе идут так долго? Или не оттого ли это, что я их адресовал в Симбирск? Очень будет досадно, если почта их потеряет, потому что там есть между прочим одно рукописное послание Хвостова к Жуковскому, которое начинается так:

Оставя норд, земное изголовье,
Чтобы с теплом в запас глотать здоровье,
Ты посетил Неаполь, Рим,
Надеемся и часто говорим.

Это одно из самых гениальных произведений Хвостова, в котором отражается между прочим и дух новейшей Романтической Эстетики. Тут же, кажется, было письмо и от Погодина. Погодин идет прямо в Лопы де Веги! Я к тебе уже писал кажется, что он на святках поехал недели на две в деревню, и воротился оттуда с Трагедиею Борис Годунов, в которой он уже и тем пошел

дальше, что написал ее прозою, и в которой есть сцены действительно хорошие: а теперь он под светлое воскресенье отправился опять к себе в деревню и на фоминой возвратился еще с новой Трагедиею: Дмитрий Самозванец! этого он еще никому не читал! но каков молодец! Теперь он совсем приводит в отчаяние Хомякова: Хомяков уже давно хочет писать Ляпунова, Погодин хочет также, и уж верно предупредит его!

Самозванец Хомякова вероятно скоро выйдет. Вообрази, что его Ермака разошлося едва экземпляров десяток! — Как досадно что театральная цензура не пропустила Самозванца! а нам бог дал такого актера, который всякому драматику истинное утешение! Это Каратыгин. Он теперь в Москве; дал здесь 12 представлений и дня через три опять уезжает в Пбрг. Все, которые видели его в Пбрге года два тому назад, говорят, что его талант вырос до невероятности; и в самом деле, теперь нам можно им похвалиться: за исключением Берлинского театра, я видел все лучшие театры Германии, т. е. Дрезденский, Минхенский и Венский; а из Берлинского театра я также видел в Дрездене Крюгера, который там играет все первые роли. Грех сказать, чтоб там не было актера лучше Каратыгина; хоть немногие, но есть там люди, которые выше его, как например Эсслер в Минхене и Паули в Дрездене; но Эсслеру 70 лет, а Паули не дала природа красоты, вообще эти люди занимать первых ролей не могут, и можно сказать смело что первороль цы Берлинский, Минхенский, Дрезденский и Венский ниже Каратыгина и гораздо; а это видеть было приятно русским очам моим. — Все представления, когда он играл, были набиты битком, (что между прочим делает честь нашей публике); дамам он всем вскружил головы красотою своей фигуры и благородством движений, и кажется даже нашу драматическую литературу зашевелил несколько: Баратынский задумал непременно писать трагедию, а может быть знание, что есть актер, который их невыдаст, и на других произведет подобное действие. — Ему давали здесь обед, для которого сложилось нас 26 человек по 50 р. асс. и условились, чтобы на оставшуюся от обеда сумму выгравировать его портрет для каждого из участников обеда.

9 мая. Вторник

Поздравляю тебя с днем твоего ангела. Да здравствуешь ты, да процветаешь, и да будет тебе суждено Роком ли, судьбою ли, или собственным твоим уменьем найти стих о твоем патроне, и тебе и ему во славу!

Я начал было, как ты видел, писать еще 3 мая, да опоздал; а теперь также пишу на распутии, потому что

сегодня отправляюсь в Архангельское, где мы на нынешнее лето наняли флигель, и куда все наши, кроме меня и брата, уже переправились в субботу. Я переправляюсь сегодня, а брат опять остается в Москве по прежнему.

Надеюсь и нынешним летом не удариться лицо в грязь, не отстать от тебя и от Александра Михайловича, далеко меня опередивших и пристыдивших, и возвратиться с обильною жатвою песен, особенно же Стихов и сказок.— Пришли пожалуйста Стихи у тебя находящиеся! Я их спишу и немедленно возвращу с приложением всех у меня имеющихся и впредь иметься имеющих. Варианты для нас обоих необходимы; осенью же ты авось либо наконец опять приедешь к нам в Москву и тогда мы, уже с богатым собранием материалов, вместе потолкуем, кому, как, и на каком основании приступить к изданию. Неправда ли, что ты осенью приедешь?

Нынешним летом около нас будет пусто и безлюдно; особенно это будет чувствительно брату в Москве остающемуся; все разъезжаются в различные стороны: Свербеевы дней через пять уезжают в Петербург, а оттуда отправляются 3 Июля на пароходе за границу, где Кат. Ал. будет сначала пить эмские воды, а потом пользоваться воздухом южной зимы. Они там хотят пробыть около полутора года. Хомяков на все лето уезжает в Крым; Баратынский в деревню.

Однако пора кончать. Покуда прощай.
Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Александр Михайлович — Языков М. А.; *Кат. Ал.* — Екатерина Александровна Свербеева.

Погодин в 30-х годах написал ряд исторических трагедий: „Марфа-посадница", „Петр I", „Дмитрий Самозванец". В кругу Киреевских-Языкова очень неодобрительно отзывались об этом увлечении Погодина, требуя от него исторических работ и решительно отказывая ему в поэтическом даровании. Однако, Погодин очень резко упорствовал, тем более, что его „Марфа", не признанная Киреевскими и Языковым, была очень хорошо встречена в публике и, кроме того, его приветствовал Пушкин. Пушкин, вообще, очень поддерживал драматургию Погодина, так как видел в нем стремление работать в драматургии его методом. „Марфа" была играна и на сцене, „Петр" же был запрещен и появился только в отрывках.

Киреевский пишет о знаменитых *московских гастролях В. А. Каратыгина* в апреле 1833 г. Эти гастроли явились крупным событием в литературном и театральном мире и вызвали огромную полемику, в которой приняли участие, с одной стороны, Белинский, с другой — Шевырев. Своего апогея эта полемика достигла в следующий приезд Каратыгина в Москву (1835), когда в „Молве" появилась статья Белинского „И мое мнение об игре г. Каратыгина". Наиболее подробно и полно относящиеся сюда материалы подобраны в комментарии и приложениях к „Запискам П. А. Каратыгина", изд. „Academia" (1930), под редакцией Б. В. Казанского, при участии Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана и Н. С. Щемша.

В оценке игры Каратыгина московское общество разделилось на два лагеря по тем же основным направлениям, как и в оценке других литературных явлений: с одной стороны, Белинский, с другой — Шевырев, Киреевский, Рожалин. А. Я. Булгаков в письмах к брату прямо называет Шевырева, Павлова, Скарятина, Кошелева как главных инициаторов огромнейших оваций, Киреевский принадлежал, естественно, к этой же группе. Это расхождение захватывало все, без исключения, основные литературные явления: оценка Марлинского, Кукольника и др. И соответственно тому, как круг Киреевского устанавливал, на ряду с культом Каратыгина, культ Марлинского и высоко ценил Кукольника, — Белинский всех их совершенно развенчивал и характеризовал Каратыгина как „Марлинского сценического искусства". „В искусстве, — писал он, — есть два рода красоты и изящества, так же точно, как есть два рода красоты в лице человеческом. Одна поражает вдруг, нечаянно, насильно, если можно так сказать, другая постепенно и неприметно вкрадывается в душу и овладевает ею. Обаяние первой быстро, оно не прочно; — второе медленно, но долговечно; первая опирается на новость, нечаянность, эффекты и (нередко) странность, вторая берет естественностью и простотою. Марлинский и Гоголь—вот вам представители того и другого рода красоты в искусстве". Талант Марлинского, по мнению Белинского, талант случайный, обязанный образованию и различным внешним обстоятельствам; талант Гоголя--самобытный, независимый от обстоятельств жизни. На сцене представителями этих типов являлись для Белинского—Каратыгин и Мочалов. Игру первого Белинский находил лишенной внутреннего вдохновения, манерной, крикливой и построенной на внешних и часто ложных эффектах.

Киреевский придавал большое значение театру и очень много размышлял над его судьбами. В *pendant* к этому письму и в замечаниях о немецких театрах следует привести любопытное его письмо к брату, И. В. Киреевскому, из Дрездена от 10—22 сентября 1829 г., где он давал характеристику немецкого театра:

„Театр в Дрездене такой, какого лучше желать невозможно, это показывает, что значит иметь директором Тика. При мне давали Фауста и Коварство и Любовь. Я никогда не думал прежде, что Фауст может быть так хорош на сцене, — мне показалось, что он слишком много потеряет в быстроте театрального представления; однако, теперь уверился в противном и думаю, что едва-ли какая-нибудь трагедия может действовать сильнее. Среди актеров был только один отличный талант, за то талант необыкновенный. Это Паули, который играл Мефистофеля; но все шло так стройно, все малейшие мелочи были соблюдены так верно, что невозможно было не забыться. Эта стройность игры, может быть, гораздо важнее, нежели частные таланты, в актерах — единицах. В Дрездене я видел первый раз театр".

„Здешний Минхенский театр также славится, но с Дрезденским его невозможно даже сравнивать. Я был в нем только один раз, но и по одному разу можно судить о манере труппы. Здесь есть один превосходный актер, Эсслер, но за то он совершенно один (по крайней мере в той пьесе, где я его видел); никто из других не выше наших Лукиных и Максиных, а актрисы играют даже несравненно хуже наших; правда, что и самая пьеса, которую давали, была ниже посредственной..... может быть, есть таланты. между другими актерами, которых я еще не видал, но, по крайней мере, видно, что не Тик здесь директор, а человек в роде Кокошкина. Как много один человек может сделать. Видеть Дрезденский театр утешительно во многих отношениях, — убедясь, что достоинство театра также, как счастье государства, состоит не в многочисленности гениев, а в стройности, мы можем иметь большую надежду иметь скоро хороший театр, нежели ожидать, чтобы ветер навеял гениев" (Русск. Арх. 1905, кн. 2, стр. 120—121).

К письму приложен *листок со следующим текстом.*

„Именной список стрелкам, участвовавшим в торжественном Стрелецком Состязании, происходившем 15 Апреля 1833 года в Москве, на Кузнецком мосту, в доме Хомякова

князь Сергей Голицын.
князь Михайло Голицын.
Боборыкин.
Хомяков.
князь Александр Мещерский.
Валуев.
Шереметев.
Киреевский 1-й
Киреевский 2-й
Козлов
князь Козловский
Гедеонов
Талызин
князь Щербатов 1-й
князь Щербатов 2-й
Лодомирский
Густав Фе
Рахманов
князь Вяземский (выигравший ружье на торжественном Стрелецком Состязании, бывшем в зале Кистеровского Пансиона 17 марта 1833).

В награду победителям назначены были три приза, состоящие из трех серебряных кубков различной величины. Каждому стрелку назначено было сделать по пяти выстрелов в 15 шагов, и чьи пять выстрелов были лучше, те и признавались победителями.

Первый приз взял Боборыкин.
Второй приз взял Киреевский 2-й.
Третий приз взял Хомяков

„По разыгрании помянутых трех призов, согласились разыграть еще один приз, состоящий также из серебряного кубка. Стрелки были те же, и хотя их число уменьшилось 6-тью, но все лучшие остались на лицо."

„Приз взял Киреевский 1-й".

11

7 Июня. Москва. [1833]

Обнимаю и благодарю тебя за полученный мною экземпляр! только он пришел сюда с другим товарищем и без письменного путеводителя, а потому я и не знаю кому сей другой назначен. Я почти уверен, что этот путеводитель не явился не за недостатком существования, а по неисправности почты; тем больше, что от тебя, вопреки твоему благочестивому обыкновению и моей сладчайшей привычке, не было известия уже около двух месяцев; боюсь, что и многие письма до тебя не достигли! Особенно боюсь за посылку от Хвостова и Иакинфа. Напиши пожалуйста, получил ли ты их?

Мы теперь пребываем в Архангельском; а в Москву являюся я только на один день, чтобы посмотреть, если удастся, на обряд, довольно необыкновенный. Ты верно еще будучи в Москве, слышал об одном Норове, который как говорят, обманул князя Гагарина тысяч на двести.

В следствие подозрений почти очевидных и за недостатком актальных доказательств, этот Норов сегодня должен с колокольным звоном и в торжественной процессии идти в Казанский собор и решить дело страшной присягою Василья Великого. Вот какие чудеса у нас делаются!..

Получил ли ты письмо от Петерсона, которое он хотел отправить еще в прошедшую середу? и писал ли он к тебе интересные подробности своих приключений? Его дело, слава богу, кончилось славно и обошлось без экзамена, потому что он уже получил место Секретаря при Воронцове, а через год приобретет верно и чин. Теперь он стал молодец молодцом: бодр, весел, и ходит гоголем. — У нас нового, кроме сказанного, нет покуда ничего, если выключить то, что мы со дня на день ожидаем сюда из Одессы молодых. Я уже писал к тебе, что моя кузина Азбукина еще прошедшей осенью уехала в Одессу, а теперь она вышла замуж за одного американца Вельс, и едет в Москву, вероятно проездом в Америку.

Однако пора кончить. До следующего раза!

Покуда прощай! обнимаю тебя крепко накрепко!

Весь и вечно твой
П. Киреевский

Забыл было самую интересную новость: писал ли тебе брат что Погодин женится? Каково? — его невеста какая то девица Вагнер, очень, как говорят, образованная и хорошенькая девушка.

Страшная присяга Василья Великого — речь идет об очистительной присяге, которой подвергся помещик Сердобского уезда, майор Николай Александрович Норов (дядя Абрама Сергеевича Норова), выманивший у кн. Петра Ивановича Гагарина 287 000 рублей и не возвративший их. Киреевскому, очевидно, не пришлось видеть процедуры присяги, так как она состоялась как раз в день отправки этого письма (7 июня). Подробное описание этой присяги и вообще московских слухов и толков в связи с делом Норова-Гагарина сохранилось в письмах А. Я. Булгакова к брату („Русск. Арх.", 1902, № 3, стр. 526, 530–532), см. также Остафьевский Архив (т. III, стр. 226, 591—592) и Архив бр. Тургеневых (т. VI, стр. 277 и др.).

Азбукина Евдокия Васильевна — кузина Киреевских, дочь Вас. Андр. Азбукина (побочного сына Андрея Ивановича Протасова) и Ек. Петр. Юшковой; в первом браке за доктором Вельсом, во втором — за доктором И. Д. Пелопидасом.

12

17 Июля 1833. Воронки.

Наикрепчайше тебя обнимаю и благодарю за сообщение песен! Вы там собрали такие сокровища, каких я даже и не ожидал. Мы не только можем гордиться богатством

и величием нашей народной поэзии перед всеми другими народами, но может быть даже и самой Испании в этом не уступим; несмотря на то, что там все благоприятствовало сохранению народных преданий, а у нас какая то странная судьба беспрестанно старалася их изгладить из памяти; особенно в последние 150 лет, разрушивших, может быть, не меньше воспоминаний, нежели самое татарское нашествие. Эта проклятая Чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена ad absurdum в сумасшедшей голове Ч., но отзывается по несчастью во многих, не чувствующих всей унизительности этой мысли, — так меня бесит, что мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше злых нежели добрых плодов. Впрочем я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд безпристрастия, который только один может быть ясен.

Это болезненное состояние духа уже давно меня теснит и давит, и кипа песен, тобою присланная, была мне студеной рекой в душной пустыне. Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства — безпамятность; что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти. Эти истины так глубоко и горячо проникли во все жилки моего нравственного и физического существа, что в некоторые минуты доходят до фанатизма.

Однако довольно об этом. Все это вещи, в которых мы с тобою согласимся и об которых писать нечего. Вот тебе лучше некоторые новости: говорят, будто в Моск. Университете хотят открыть две новые кафедры: Голубицкого сделать профессором Философии, а Вексмана проф. Словянских Языков; но это еще новости очень зыбкие. — Погодин 9 Июля женился, и ждет от тебя эпиталамы. Что Петерсон ожидает от тебя года через полтора того же, об этом он верно уже и сам писал к тебе. — Об Жуковском были известия недели с две тому назад: ему гораздо лучше; он был в Риме, в Неаполе, теперь в Эмсе и в августе вероятно возвратится в Россию потому что он спешит к должности по случаю смерти Мёрдера. Рожалин также приедет осенью; и Языков тоже к осени необходимо должен приехать! А вот новость самая важная: знаешь ли ты, что у тебя переменился начальник? Что теперь в МежевойК[анцелярии] правительствует уже не Гер-

мес, а Штёр? Маминька на днях будет у Гермесов, которые в Ильинском, и справится как тебе должно будет поступить с службою; но во всяком случае ради бога погоди подавать в отставку. В следующий раз буду о сем последнем писать обстоятельнее, потому что больше буду знать. Покуда прощай обнимаю тебя.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Я уже теперь не в Архангельском, а в Воронках, ровно в версте от Арх[ангельского], куда всякий день хожу обедать. Надеюсь здесь набрать хорошую жатву песен и сказок.

Беседу и Самозванца брат тебе выслал еще две недели тому назад.

Получил ли ты их?

Это письмо, как уже отмечено во вступительной статье, вызвано, несомненно, „Философическими письмами" („Lettres sur la philosophie de l'histoire"), в частности—рассуждениями Чаадаева о характере русского народа и его историческом прошлом:

„У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это — эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это—необходимая основа всякого общества. Иначе, в памяти народов не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь к праху земли, на которой живут. Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет. Сначала—дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть,—такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство,—вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня.

„Истинное развитие человека в обществе еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи. Как вы хотите, чтобы семена добра созревали в каком-нибудь обществе, пока оно еще колеблется без убеждений и правил даже в отношении повседневных дел и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это — хаотическое брожение в мире духовном, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты. Мы до сих пор находимся в этой стадии.

„Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе, и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль, но, обособленные странной судьбой от всемирного движения человечества, мы также ничего не восприняли и из преемственных идей человеческого рода. Между тем, именно на этих идеях основывается жизнь народов, из этих идей вытекает их будущее, исходит их нравственное развитие. Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого к нашим услугам история народов и перед нами плоды движения веков. Конечно, эта задача трудна и, быть может, в пределах одной человеческой жизни не исчерпать этот обширный предмет; но прежде всего надо узнать, в чем дело, что представляет собою это воспитание человеческого рода, и каково место, которое мы занимаем в общем строе.

„Народы живут лишь могучими впечатлениями, которые оставляют в их душе протекшие века, да общением с другими народами. Вот почему каждый отдельный человек проникнут сознанием своей связи со всем человечеством.

„Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим! Мы же, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда. Так как мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи, то в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводит в умах и которые составляют их силу. Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, т. е. по такой, которая не ведет к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание — в их внешнем быте, вся их душа — вне их. Именно таковы мы.

„Народы — в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Но мы, можно сказать, некоторым образом — народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение“ (Соч. и письма, т. II, стр. 111—113).

13

Москва 1833. Сентября 13.

Хотел было я, мой вселюбезнейший и дражайший! писать к тебе ныньче многое множество; тем больше, что многое нужно тебе сказать, а разные вражеские навождения уже давно мешали мне к тебе писать. Однако теперь не успею, и должен отложить до следующего раза.

Теперь покуда не хочу пропустить почты, не сказавши по крайней мере чего следует об самом важном. Отставка твоя еще не подана, и да не разъяряешься ты на меня за это! потому что на это были законные причины: во первых есть надежда на получение чина прежде отставки, а во вторых я, не смотря на все усилия изучить твою подпись, до желанного сходства никак достигнуть не мог. Я хотел было заставить написать здесь бумагу и послать к тебе на подписание, но все говорят что в таком бы случае игра свеч не стоила, потому что нет на отставки особенной формы для каждого Присутственного места, а только форма всеобщая: по одержимым болезням, следовательно всякий подъячий и везде написать ее может.—И так весь наш Государственный Совет убедил меня дать некоторое время на производство дела об чине, об котором уже и послано отношение куда следует, а между тем написать к тебе, чтобы ты отставку велел начертать в Корсунском или в Симб[ирском] уездном суде, какому нибудь из членов оного, подписал бы ее и прислал бы ко мне для подания, которое не укоснительно и своевременно исполнено будет.

Однако пора кончить, опоздаю. В следующий раз больше. Покуда прощай. Обнимаю тебя.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

У нас все слава богу здоровы. Мы возвратились в Москву дней пять тому назад. Все твои комиссии будут исполнены в точности.

14

[4 октября 1833.]

Я, Иван Киреевский, пишу за Петра Киреевского, который лежит больной и диктует мне следующие слова:

„Не приходится тебе сердиться на Петра Киреевского, за то что он не писал к тебе долго; потому, что он третью неделю только что переваливается со спины на ту же

спину, что тем досаднее, что писать было бы много материи. А вот покуда главные пункты, о которых сказать припомню: О придержащей власти в Межевой канцелярии на этой почте уведомить не успею, потому что твое письмо получил только вчера ввечеру. Настоящим же к тебе пойдет известие.—О Законных книгах будет к тебе писать брат (это он намекает на меня!). В Пансионе Павлова об одежде учеников действительно попеченья не имеют.—О главной материи до песен касающейся надо писать к тебе много, и потому лучше подождать того времени, когда мне удастся притти в положение немножко повертикальнее, покуда скажу только то, что в Воронках я собрал слишком 200, не считая стихов. Кроме того, стекаются ко мне в руки такие обильные песенные потоки, что уже можно считать за 2000 могущих поступить в печать.—Об обстоятельствах печатания буду после с тобою советываться подробнее.—Дать ли Максимовичу из присланного тобою собрания песен пяток в его Денницу? О Толстом напишет Иван. (Это брат пошутил, я Толстого почти не знаю). Вот все, что нужно было сказать самонужнейшего. Затем посылаю тебе рукопожатие, и остаюсь целиком (хоть и с изъянцем), твой

Петр Киреевский.

Теперь следует к тебе послание от Ивана:

Здравствуй брат Языков. Как поживаешь? А у нас плохо. Брат болен, и был болен опасно воспаленьем в почке. Теперь опасность вся прошла и остается только неприятность лежанья и медленного выздоровления.—О книгах я говорил с Селивановским, у которого теперь их не имеется, но на днях они должны поступить из Петерб[урга] и отправиться в Симбирск к какому то купцу, к которому тогда вышлется тебе письмо, по которому письму кто нибудь из твоих знакомых в Симбирске и получит книги. Вместе с тем же письмом получишь ты и остальные деньги, а вместе с теми книгами получишь ты еще ту книгу, которую наконец достал Армфельд, который не только решился купить тебе книгу (через два года), но еще решился написать диссертацию, и защитить ее самым блестящим образом. О чине твоем я теперь еще ничего сказать тебе не умею. Я писал, тому больше месяца, к Вяземскому, но от него еще никакого ответа не получал. Я считаю это за хороший знак.—По следующей почте получишь ты подробную инструкцию о том, что тебе делать и какие просьбы писать и как.—О Толстом я тебе ничего сказать не могу, потому что почти что не знаю, а так как непременно хотят, чтобы я писал об нем, то и скажу тебе, что он действительно, как ты заметил (чтобы говорить твоими выра-

женьями),—служит в Архиве; что там нам как-то не удалось познакомиться, что после я видел его у Тютчевых, где и узнал от него, что он на театре, и от других, что он играет хорошо. Кроме того кажется [не разб.] за ним не имеется, он никогда не слыхал об нем ничего дурного. Тебе кланяются Свербеевы, которые в Женеве и едут в Рим.—Шевырев, сделанный профессором здесь, едет в Петербург на житье. А ты, когда в Москву?

На следующей почте буду писать еще.

Письмо не датировано, дата устанавливается по почтовому штемпелю на внешней стороне письма.

15

Москва 1833. Октября 14.

Знаешь ли ты, что готовящееся собрание русских песен будет не только лучшая книга нашей Литературы, не только из замечательнейших явлений Литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени, и будет ими понято, то должно ошеломить их так, как они ошеломлены быть не ожидают! Это будет явление беспримерное. У меня теперь под рукою большая часть знаменитейших собраний иностранных народных песен, из которых мне все больше и больше открывается их ничтожество в сравнении с нашими. В большей части западных государств живая Литература преданий теперь почти изгладилась; только кое где еще, и в совершенно незначительном количестве, остались еще песни, но обезображенные и причесанные по последней картинке моды; большая часть из известнейших народных песенников составлена там не по изустному сказанию, а из различных рукописей—и, что всего важнее, мне кажется можно доказать, что живая народная Литература там никогда не была распространена до такой степени, как у нас. А из этого, если точно удостовериться, могут быть важные выводы.—Но об этом после, когда мне удастся хорошенько вникнуть в эту материю.

Вот покуда интересное сближение известных мне западных песен с нашими в количественном отношении: известнейшее собрание шотл[андских] п[есен], Вальтера Скотта содержит в себе 77 №-в, собр[ание] шведск[их] пес[ен], которого колич[ественному] богатству немцы дивятся, которое издано их знаменитым историком Гейером вместе с Афцелиусом и переведено на нем[ецкий] яз[ык] Mohnike, заключает в себе 100 нумеров; датское собрание Ниерупа, которого я не видал, судя по всем известиям об нем, едва ли далеко его превосходит в количестве;

французской истинной народной песни, по свидетельству Вольфа, долго занимавшегося их опубликованием теперь, нет ни одной; итальянское собрание, изданное тем же Вольфом, и (что довольно странно) в поэтическом отношении очень бедное, заключает в себе нумеров 100 песен и припевов на всех ита[льянских] наречиях; испанских собраний, мне известных, есть два: Гриммово и Деппингово: они выбраны из исп[анских] песенников, напечатанных еще в 16-м веке по преданиям, и тогда уже почти исчезнувшим; а из этих песенников, по словам немецк[их] издателей, они выбрали почти все, истинно народное; остальная их часть заключает в себе такой же сор, как большая часть нашего Новиков[ского] пес[енника]. Из этих двух собраний (правда, очень высокой поэтической цены) одно заключает в себе 68, другое около 80 нумеров. Англия известна бедностью в песенном отношении, а Бюшингово маленькое собраньице песен немецких, которого я не видал, также славится своим ничтожеством.

У нас, если выбрать самоцветные каменья из всех наших песенников, загроможденных сором, (а это по моему мнению необходимо) будет около 2000!!, т. е. половина теперь находится письменных в моих руках, а половину дадут песенники.—Их можно считать и еще больше, но так как они (больше по влиянию неблагоприятной судьбы, засадившей меня в болезнь, нежели по моей вине) еще не все переписаны, а при критическом сближении многие нумера, как выясняется, сольются в один, то я кладу меньшее количество.—Из этого числа 500 (и самых лучших) прислано тобою; 300 собрано мною, и 200 собрано в Орловской губернии (но еще [не] прислано) Вас. М. Рожалиным. Я не считаю еще тех, которые привезет из деревни Пушкин (доставленные им № 40 не очень важны) и которые обещал[ся] доставить из Рыльска жестокосердый и жесткостишный Якимов (об котором нельзя кстати не упомянуть, что он был недавно здесь, и объявил брату, что у него готовы уже еще 7 пьес Шекспира!). В Полевовском собрании я еще не уверен, потому что он хотя и говорил Соболевскому, что доставит свои песни мне, но еще не присылал.—Я забыл было еще сказать, что Востоков узнавши о готовящемся собрании, прислал мне 12 стихов, которые он сам переписал с рукописи 1790 года, хранящейся в Румянц[евском] Музее. Большая часть из них послужит интереснымн вариантами тех, которые уже находятся у меня, а некоторые были мне неизвестны. Папинька обещает привести 100 пес[ен] из Калужской губ[ернии].

Вот отчет о песенном приходе. Но чтож сказать об моих действиях? Покуда похвастаться не могу ничем. В Арханг[ельском] у меня почти все время занято было

собранием новых песен, а почти тотчас после возвращения в Москву я занемог и прикован к своим креслам—до сих пор. Это мне мешает и сличать песенники, которые мне необходимо знать все, и приступить к акуратному сличению находящихся у меня письменных песен; потому что для этого необходимо им быть переписанным на отдельных листках, чтобы можно было осмотреть все варьянты вдруг и делать тут же необходимые примечания. Я нашел было переписчика, да он продержал данную ему тетрадь целый месяц, а потом обманул и отказался. А болезнь моя мне и тут мешает отыскать другого скоро. Надеюсь впрочем все это вознаградить по выздоровлении. Примечаниями на первый раз надобно будет ограничиться только самыми необходимыми и короткими и в предисловии должно будет также удержаться в пределах необходимости; потому что иначе, если поступать совестливо и отчетливо, это задержало бы издание на несколько лет. Пушкин также обещает написать предисловие. При первом издании, по моему мнению, ограничиться акуратностью в материальном отношении; второе же, и—(бог даст!) учетверенное издание, можно уже будет пустить в виде, его драгоценности приличном, потому что к тому времени можно будет приготовиться.—Как ты об этом думаешь?—Что до меня касается, то я, по удачном (бог даст) окончании первого издания, совершенно решился заняться этим делом не на шутку, потому что оно входит существенно в главную идею всех моих и мыслей и занятий и желаний. Для этого начинаю себе выписывать разные материялы по этой части.—Где я буду летом 1834?—еще неизвестно; я чувствую, что мое здоровье расстроено с самого возвращения из-за границы и мне, чтоб не остаться инвалидом, надобно лечиться серьезно. Поэтому, смотря по приговору докторов, я вероятно поеду на какие нибудь воды; либо на Кавказ, либо в Германию. В первом случае я все буду среди песен, во втором буду иметь больше средств заняться хорошенько славянскими языками. Кроме славянских, легко доступных, я решился также заняться и Скандинавскими, которые, как я недавно еще больше убедился, осветят мне, при небольшом и не тяжелом труде, многие, недоступные от мрака, места Русской Истории и особенно Мифологии. Они будут также иметь существенную важность и для продолжения песенного и для начатия сказочного собрания.—По желанном же исцелении от недугов и возвращении, надеюсь осуществить одно из любимых моих мечтаний: поеду бродить по России. Тогда уже можно будет издать 2-е издание на славу!

Но об этом речь впереди.—Теперь покуда о настоящем издании. Изданием, по моему мнению, лучше поспешить;

как потому что такая книга чем скорее выйдет, тем лучше, так и по вероятному моему отъезду летом. — Смирдин берется печатать песни на свой счет, и потом, выручив свою сумму, продавать по комиссии. Хоть и мудрено рассчитывать на барыши, потому что вероятно не очень многочисленная публика оценит такую книгу; по крайней мере это предложение уже совершенно обеспечивает от убытка. Но в таком случае надобно печатать в Пбрге, нельзя смотреть так тщательно за исправностью издания, и досадно будет, что этот перл Русской Словесности выкатится не из Москвы; что также имеет свою важность. По нашим рассчетам, если пустить книгу, в которой будет по крайней мере четыре больших тома по 25 или даже по 20 р., то 250, а может быть даже и 200 экз. (смотря по бумаге и шрифту) вполне окупят издание; следовательно, если печатать и на свой счет, то с довольной вероятностью можно надеяться, что убытка не будет. К тому ж может быть и очень вероятно, что Смирдин согласится и купить издание, уже в Москве напечатанное. — И так остается решить вопрос: где, сколько экз[емпляров] в каком формате, и в каком порядке печатать? А всех этих вопросов я без тебя решать не могу: тебе гораздо больше меня приличествует решать их, потому что и первая честь собрания, и большое количество и лучший цвет песен принадлежит тебе. — Хочешь издавать вместе и на заглавном листке написать: изданное Н. Языковым и П. Киреевским? Как ты об этом думаешь? Решай все эти вопросы, пиши, как мне действовать и вести переговоры, — и тогда уже можно будет приступить к решительным мерам. — Я покуда буду хлопотать о переписывании, сличать, приводить в порядок, и писать к тебе о результатах, из того произойдти имеющих.

Вот покуда все главнейшее о песнях.

Деньги, присланные Максимовичу, я получил, но он еще не взял их, потому что хочет еще справиться у цензоров: позволят ли печатать гомеопатический лечебник? Он боится чтоб не запретили его, потому что цензора испуганы недавним строгим выговором за Телеграфск[ие] статьи об Ист[ории] Вальт.-Скотта.

Самозванец Хомякова уже отпечатан, но еще не выпускается потому, что Хом[яков] еще не возвратился из Крыма, а без себя не хотел выпустить в свет.

Жуковский, говорят, написал столько нового, что выйдет целый том; все это уже купил у него Смирдин.

Вот покуда все новости, какие вспомнил. До следующего раза. И так исписал целую тетрадь! Крепко тебя обнимаю.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Все наши тебя лобызают, всякий по своему. Папинька не возвратился еще из деревни.

Это письмо чрезвычайно важно для точного определения того вклада, который сделал в русскую фольклористику Н. М. Языков, до сих пор мало оцененный и малоизученный с этой стороны. Оказывается, им прислано 500 песен—„самых лучших", по характеристике П. В. Киреевского.

Большое значение имеет это письмо и для характеристики П. В. Киреевского как исследователя. Как выясняется (впервые) из этого письма, им был привлечен богатейший для своего времени сравнительный материал. Перечень сборников, который дает в этом письме Киреевский, охватывает почти всю основную литературу по песням, которыми располагала в то время западноевропейская фольклористика.

Собрание Вальтер-Скотта: „Ministrelsy of the Scottish Bardes", I—III, 1804 До Вальтер Скотта в английской литературе было еще собрание Persy „Relics of Ancient english Poetry" (1765), но это собрание было основано на рукописях, тогда как В.-Скотт опубликовал записи устных песен.

Шведское собрание—Geier of Afzelius „Svenske Tolkvisior från forntiden" 1814—1817; переведено на немецкий язык G. Mohnike. Volkslieder der Schweden. Halle. 1825.

Датское собрание—Udvalg af Danske Viser fra midden af det 16de Aarhundrede tie henimod midden af 18de med Melodier, Forening med P. Rasmassen af R. Nierup. 1821. Впрочем, собрания датских песен были более значительны: первые сборники появились уже в конце XVI века. Anders Sörensen Vedel издал (впервые в Дании) сборник в 100 избранных песен позже около 100 текстов прибавил к нему Peder Syv.

Испанское собрание известного филолога Деппинга „Sammlung der besten alten historischen Spanischen Lieder" (1817).

Вольф—Фердинанд Вольф, выдающийся романист, автор работы: Über die neuesten Leistungen der Franzosen für die Herausgabe ihrer Nationalheldengedichte (1833); ему же принадлежит сборник „Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanzen".

Бюшингово собрание—Büsching und Fr. Heinrich v. d. Hagen. Sammlung deutscher Volkslieder mit einem Anhange flamländischer und französischer. 1807.

Что касается вообще немецких изданий, то к 30 м годам уже был ряд выдающихся сборников. Странно, что Киреевский не упоминает о знаменитом сборнике „Des Knaben Wunderhorn" Арнима и Брентано (1806—1808).

Вообще же Киреевский делает ошибку (вполне понятную на своевременном ему этапе фольклористики), принимая наличие материалов в сборниках за подлинное и исчерпывающее богатство народной поэзии во всех странах; позднейшие записи во всех этих странах, особенно в Германии, вскрыли подлинное, неизмеримо большее богатство песенной традиции,—но несомненно, что собрание Киреевского в 30-х годах превосходило богатством своего материала все существовавшие тогда сборники,—и будь оно своевременно издано, оно заняло бы первое место среди всех собраний и изданий того времени.

Якимов, Василий Яковлевич—адъюнкт-профессор Харьковского университета, переводчик Шекспира. Ему принадлежит реакционная поэма „Дар слова" и ряд работ о красноречии в России, о духе российской литературы и т. п. Брошюра „О красноречии в России" (Харьков, 1833) имеет на шмуцтитуле посвящение: „Православию, самодержавию, народности". Подробнее об Якимове—см. переписку Языкова с Комовским (Лит. Наследство, № 19—20).

16

[Ноябрь 1833].

Пользуясь благосклонностью судьбы, которая наконец позволила мне принять положение несколько повертикальнее и передти с постели на гениальнейшее и полезнейшее для рода человеческого произведение Вольтера, спешу отправить к тебе несколько строк об деле, об котором и брат к тебе хочет нынче писать, да боюсь чтоб не опоздал на почту, а известие вдвойне не беда. Дело в том, что Гермес привел нас в напрасную тревогу: он сказал, что сдаст бразды правления еще 15 Августа, а между тем они и теперь еще в руках его. Он отставки еще не получил и может быть не так еще скоро получит. И так адрес и чин и фамилия его преемника еще не совсем достоверны, а покуда действуют и адрес и чин и фамилия Гермесов.— Брат заставил написать в Меж. Канц. форму просьбы, которая к тебе и отправляется; а ты подписавши ее пришлешь к нам, и будет она последней бумагой, которую подпишет еще Гермес, а между тем еще мало ли какие явления произойдти могут.

Письмо твое к Максимовичу получено и раскрыто было им у нас вчера. Наконец ты разразился творением аллопатическим! и одержал победу над овладевшей было тобою гомеопатической производительностью. Помогай же тебе бог, и да присоединится к победе и полное одоление, которое обозначится произведением 2000 ст[ихов] в годовой срок. Да снизойдет на тебя плодоносие Рахили, или той ее соперницы, о которой было как то недавно писано в газетах!—

Я получил от тебя объявления на 300 р. асс., а письма, которое вероятно при деньгах, еще не получал. Предполагаю, что это те деньги, о которых ты пишешь к Макс[имовичу]. Досадно будет, если принесение письма не подоспеет нынче к ответу. Об законах Иван вероятно пишет.

Адреса Петерсонова я и сам не знаю хорошенько, потому что он с отъезду еще ни разу не писал, но вероятно можно адресовать в Канцелярию Воронцова, потому что он служит при ней.—Мудрено что ты не получал его письма! Оно либо пропало либо он в хлопотах отъезда замешал его в другие бумаги, и думая, что послал, забыл послать. Это всего вероятнее.

Рукой А. П. Елагиной:

Ваши стихи Макс[имовичу] жестоко меня огорчили. До сих пор я все надеялась, а теперь ваши руки в боки погасили последнее поползновение к намерению надеяться.— За что это? Кто вас здесь угнетал? Кто может вас так

истинно, так сильно любить?—Я собиралась выстроить вам такие же аппартаменты какие у Ивана, отделать по вашему вкусу, заведывать вашим обедом и чаем, не пускать к вам никого, и прочее. Это давно изложено в письме, которое отправить взялся Петерсон и на кот[орое] вы вероятно поэтому не отвечали что не получили его.—Бог с вами! Так грустно мне давно не бывало. Многое думала сказать вам, да на что вам наше?—Отставку и чин вышлю к вам вместе.

Рукой Петра Киреевского:

Папинька до сих пор еще в деревне и может быть еще не скоро воротится потому что у него там было и градобитие и холера и совершенный неурожай и скотский падеж и всякого рода кары судеб.—Он требует Лафиту, в жестоком освирепении на твое пиитическое молчание пророчествует, что тебе в деревне не написать ничего, и говорит, что только есть одна истинная твоя муза это он, а без него не родиться у тебя новым стихам!

Однако пора кончить. Покуда прощай. Крепко тебя обнимаю.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Какой ты молодец что нашел еще 20 стихов! но об этом до следующего раза.

Вот адрес Петерсона, по которому письмо дойдет непременно. Ее Превосходительству Анне Петровне Зонтаг в Одессе, для доставления А. П. Петерсону.

Приписка Ивана Киреевского:

Подлинный аттестат за № 2588-м получил Канцелярист Николай Михайлович Языков, Ноября 18-го дня, 1833 года.

Вот что ты должен написать внизу простого листа бумаги и прислать мне по первой почте, а я зато по первой же почте вышлю тебе аттестат. Кроме того ты должен уполномочить меня заплатить шесть рублей за гербовую бумагу и рублей 10 писарям и чиновникам вашим братьям.

Кроме этого подчеркнутым словом ты еще должен написать лирическую трагедию в 3-х действиях под названием Давид и прислать мне немедленно. И вообще здесь решено, что тебе канцеляристу лениться негодиться, а должно либо работать в деревне либо ехать в Москву, как можно скорее.

Жена тебе кланяется, а я рукоратствую. Где, где ж, где ж, где ж.

Офицерский чин к словам Гермеса должен тебе выйдти в этом году.

Спешу на почту
Твой И. К.

Письмо не датировано,—датируется нами ноябрем 1833 г. на основании приписки Ив. Киреевского с упоминанием об аттестате.

Стихи Максимовичу, о которых упоминают Киреевский и Елагина,— Послание к Вульфу („Прошли младые наши годы"), присланное Языковым для альманаха Максимовича „Денница". Эта пьеса является как бы поэтическим прощанием Языкова со своим прошлым, не только с Дерптом, но и с Москвой:

Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, — и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг, поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня.
С давно желанной, мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине.
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!

17

Москва 1833. Ноября 21. Вторник.

Ну, брат! пеняй не столько на меня, сколько на судьбу неблагоприятную: с этим письмом к тебе идут только шинель и книга (Шилл[ер], Адр. [?] Ш[енье]и Том[сон])! а со всем остальным случилось вот какое происшествие: письмо твое и деньги пришли сюда только в прошедший понедельник, и то в такую пору, что их уже нельзя было получить прежде вторника. Во вторник они получены. Я, все еще пригвожденный болезнью, обратился к Папиньке, и немедленно было приступлено к исполнению, чтобы на другой же день все можно было отправить. Оказалось что денег, тобою присланных, было мало на покупку всего в таком ахтительном виде, в каком ты желал, и недоставало рублей 80. За дополнением бы дело не стало, а кроме того у нас и твоей казны лежат еще значительные суммы; и я уже было решился лучше быть слишком самовольным Министром Финансов, нежели не угодить твоей галантерейности — но по несчастию ни шинель, ни кацавейка, не могли поспеть к прошедшей середе. Помада куплена в тот же день (во вторн[ик]) и на другой день (в середу) была отнесена на почту; но — экспедиторы ее не приняли, и объявили, что за такие посылки берется штрафу по 90 рублей с фунта! (а в ней 13 ф.!) Таким образом мне и

помада и письмо, при ней бывшее, принесены назад, а почта между тем ушла. Разсудя, что ты вероятно не захочешь рисковать 1000 р. из дюжины помады, я посылал искать оказии, но и того еще до сих пор не нашел; а при первой, имеющей встретиться, она будет отправлена. Эта помада стоит 52 р. мон.; пломбирована, закупорена, запечатана, патентована, и проч. и проч. и проч. и по своему внутреннему достоинству — nec plus ultra; а наружным, и то самым суетным, т. е. фарфоровыми баночками ее превосходит только один сорт, который только за это стоит 90!! Шинель, при сем посылаемая, стоит 115 р. асс. А кацавейку меня остановили заказывать, без твоего разрешения, следующие размышления: во первых ты пишешь, чтобы она была самая ахтительная, а во вторых, чтобы спешила как можно скорее, к имянинам. Если бы она могла поспеть к прошедшей середе, то я решился бы переплатить, в надежде на ее своевременное прибытие, но так как судьба остановила ее здесь на целую неделю, и сверх того еще почта путешествует до Симбирска целую неделю, то я почти совершенно убедился, что она к сроку не поспеет; особенно, если роковой день, как я думаю, есть день св. Екатерины. И так, не надеясь поспеть во время, я подумал, что просрочивать уже все равно, что одну неделю, что две, а что между тем я лучше сделаю, если прежде с тобою спишусь и подожду твоего разрешения. — Вот все обстоятельства, относящиеся до кацавейки: кацавейки, по выражению Папиньки, разделяются на 3 разряда: 1) из satin turque, т. е. немножко получше овчинных; об этих он даже и не справлялся что́ они станут; 2) из satin brisé, на которых смотреть не хочется и которые стоят с фальшивым перевощиком 180 асс. 3) из satin de blonde с настоящим перевощиком, стоят 225 асс.; лучше этих в Москве не видано, и от этих как он говорит, затрещат глаза у всей Симбирской стороны. Образчики этой знаменитой материи satin de blonde я при сем посылаю. — Решай же, что делать?

Покуда больше писать не успею, а до следующего раза.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Дня три тому назад мы получили письмо от Жуковского; он возвратился (как ты уж наверно знаешь) два месяца тому назад, очень поздоровел, пишет, что помолодел, и похорошел, и спрашивает об тебе.

18

6 Декабря. 1833. Москва.

Вот тебе покуда опять только несколько строчек вместо предполагавшегося длинного письма. Посылаю шапку, деньги, счет, и письмо, которого ты требуешь; только с тем условием, чтоб ты мне письмо возвратил назад, потому что вся коллекция твоих писем у меня хранится. Так как я до сих пор еще не выпускаюсь на воздух, то честь выбора шапки и возвращения денег принадлежит не мне, а Папиньке и брату. Селивановский по сему случаю оказался человеком честным, хотя и светреничал при отправлении книг.

Шапку Папинька купил у Мадамы дю-Лу (что на Кузн[ецком] м[осту]) и говорят что это фасон самый новейший и животрепящий; она стоит 15 р. Без козырька он ни одной не нашел, но от козырька ее легко будет избавить, если тебе непременно нужна безкозырная.

Об переводе гомеопатии Макс[имович] говорит, что первая часть будет кончена к новому году. Деннца его печатается, но будет, как кажется довольно худощава.— Если у тебя нет ничего написанного, то непременно должно написать хотя несколько строк для Альманаха, готовящегося в Одессе; он замечателен как по благородному намерению, так и по своей необыкновенности; его издает общество одесских дам в пользу голодных Новороссийского края. Это хоть и капля в море, но за то капелька жемчужная. Брат пишет туда статью об русских поэтессах.

Нового у нас нет ничего, кроме того, что мы к новому году ожидаем сюда Рожалина, который уже на дороге и только на несколько дней остановится в Дрездене. Вот еще новость, которая может быть еще не дошла до тебя: знаменитый Жомини бывший в Лозанне, убит там на дуэли с графом Грабовским.

Однако пора кончить, прощай покуда; крепко тебя обнимаю

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Если ты увидишь в газетах об отставке Гермеса, то да не смущается твое сердце: переменилось только имя начальника (Пейкера) а твои к нему отношении не переменились. Об этом в следующий раз.

Денег посылается 745 р. ассигнациями и 2 р. монет.

P. S. Письмо я писал, но однако не торопясь оптравкою, не успел отослать, пошлю на следующей почте.

Альманах — „Подарок бедным", изданный в Одессе в 1834 г. Языков, перед тем принявший самое деятельное участие в „Одесском альманахе" (1831 г.), однако не дал ничего для этого альманаха. Быть может, это объясняется очень незначительной продуктивностью поэта в эти годы.

Жомини — известный военный деятель и писатель; слух об его смерти в 1833 г. был ложным.

19

Декабря 27. 1833 Москва.

Посылается тебе при сем кацавейка, сооружению которой поперечило столько неблагоприятных случаев, что судя по одной наружности, ты мог бы даже рассердиться. Но со стороны нашей Московской компании неаккуратности не было, и особенно Папинька действовал в этом деле с особенной ревностию. — Я писал к тебе что кацавейка, образчик которой я тебе послал, стоит 250 р. асс., но забыл упомянуть при сем случае, что в Английском Депе председательствует ж и д!! Когда Папинька явился к нему, чтобы заказать кацевью, то оказалось, что материя, которой образчик был тебе послан, уже вся вышла, а поганый жидовин, видя что кацевейка нужна и соображая, что подходят праздники, возвысил цену до 325 р. асс.! Так что Папинька принужден был сам собрать все составные части кацевьи по разным их источникам, а поганому жидовину заказать только материю (которую выбрала маминька) и отдать собранные матерьялы на приведение их под наимоднейший ф а с о н. Но и таким образом кацевейка стала 30 рублями дороже 250. А эти тридцать рублей я, (сообразив что именно столько я тебе оставался должен за отправлением часов и шубы, о чем несколько раз писал к тебе, но не получал никакого назначения) решился на переплату 30 рублей, думая, что долгий ящик, в который бы дело без того потянулось, было бы для тебя еще неприятнее.

Однако пора кончать. До следующего раза. Прощай покуда. Крепко тебя обнимаю!

Весь и вечно твой П. Киреевский.

От Грефа я получил объявление на книги для Ал. Мих.

Брат вчера ввечеру отправился с Киреевым за 60 верст за Москву (каков!) чтобы стрелять медведя, в чем мне моя недавняя болезнь (увы!!) воспрепятствовала быть участником.

20

Москва 1834. Генв. 17.

Крепко обнимаю тебя, мой наивседражайший, да здравствуешь ты и да ознаменуется 34 год разверстием уст твоих!

Нового, по крайней мере утешительного, кажется покуда нечего сказать, кроме разве того, что вышел наконец Самозванец Хомякова; которого я впрочем еще не успел прочесть. А между тем Х[омяков] уже недели с две заперся, и пишет Ляпунова. Вот еще новость приятная: Шевырев, наконец, приступил к делу, и третьего дня уже читал свою вступительную лекцию; отлично и написанную и прочтенную.

Хотя я и не успел еще прочесть всю Библиотеку, но кажется она не смотря на свою наружную тучность, довольно жидка содержанием, если сообразить богатство матерьялов. Как Смирдин разделывается с литераторами в денежном отношении, я на это никого из них еще не слыхал, а назначает цены довольно большие: как напр.: Погодину 300, Максимовичу 200 р. с листа. Только редакторы позволяют себе непростительные самовольства с присланными статьями. Так например Максимовичеву статью они совсем почти переделали!! Целые периоды выбросили, а в некоторых местах вставили новые, свои; так что многое, особливо сначала, стало совершенно поперек здравому смыслу. Максимов[ич] сначала было расхорахорился, и говорил: вот я-то к ним напишу письмо, вот я-то их отделаю! — А вместо того написал только, что хоть он со многими поправками совершенно согласен, но с некоторыми согласиться не может. — Словом, отделал также как в свое время Снегирева.

Ты верно заметил в газетах, что Пушкин — камер-юнкер!! — Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видал; он пробыл здесь только три дня и никуда не показывался, потому что ехал с бородою, в которой ему хотелось показаться жене. Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он кажется ни одной не привез; по крайней мере мне не присылал.

Песни идут своим чередом, хотя и медленнее, чем я бы желал. Надеюсь скоро дать тебе подробнейший об них отчет. Покуда скажу только, что исторических оказывается, не считая варьянтов, около ста.

Прощай покуда; должен кончить по той причине, что неловко писать, потому что я пишу не сидя, а лежа на боку: меня мучит чирий, очень неучтиво себе избравший место.

Весь и весь твой
П. Киреевский.

Вот еще новость: княгиня называвшаяся Зинаидою, приняла латинскую веру, и, к стыду русского имени, перекрещивалась торжественно, в церкви Св. Петра!!

Посылаю тебе записку твоего дерптского товарища Анке, и изображение Княжны Шаховской, сочинительницы сновидения. Х. едет на Иртыш и будет у тебя.

Библиотека—„Библиотека для чтения", журнал, издававшийся с 1834 г. А. Ф. Смирдиным под редакцией Греча и Сенковского.
Княгиня Зинаида—Зинаида Александровна Волконская. *Х.*—очевидно, Хомяков; предполагавшаяся его поездка на Иртыш не состоялась.

21

Посылаю тебе книги из 4-х ящиков состоящие, помаду.—Посылаю также и опись твоим книгам, сделанную мной при их приемке.—Но только вот беда! Я потерял твою записочку о книгах, в чужих руках находящихся. Помню только, что недостающие №№ Христ. Чтения отданы тобой Мельгунову а им препровождены к Свербееву, и сколько я их ни требовал—увы!—покуда труды были напрасны.—Помню также, что об Истории Малороссии [не разб.] записано было что она находится у Васиньки, но Васинька тебе ее возвратил гораздо прежде твоего отъезда; а я пробовал спрашивать ее всячески у Погодина и у Максимовича. И они отказываются.—Не припомнишь ли ты сам истину об этой статье; также и об том не было ли еще других книг, кому нибудь ссуженных? А я постараюсь их выручить.—Следующие творения: Лубочные Сказки (3 №), Ваньку Каина, Новиковский Песенник, Берхова Алексея Мих[айловича], Руссова Воспоминания и Miscellen (заключающие в себе минстерские [?] песни) я перешлю к тебе по почте; а покуда ты верно не будешь в претензии что я их удержал потому что они мне нужны для песенных справок.

Песни, (кроме только досадной медленности) идут великолепно: одних исторических считается уже сто одинадцать № без варьянтов, а с вариантами около 200. Всего же 1203 № песен и 100 №№ стихов и все это еще без прикосновения к печатным.

Х. едет в Сибирь.

Но об этом после; потому что надо писать много.—Покуда только обнимаю тебя крепко на крепко и остаюсь

Весь и вечно твой
П. Киреевский

До середы!

Письмо не датировано. Относится, несомненно, к концу января или первой половине февраля 1834 г. Во всяком случае, оно не могло быть написано ранее 20-х чисел января, так как в предыдущем письме (от 17 января 1834 г.) Киреевский определяет число исторических песен

в 100, а в данном письме — 111. Вместе с тем, оно несомненно предшествует и письму от 21 февраля 1834 г., в котором упоминается уже о 1210 №№ песен, тогда как в настоящем письме Киреевский говорит только о 1203.

Васенька — Василий Александрович Елагин.

Перечень изданий, которые упоминает Киреевский, очень характерен. Киреевский был один из первых, кто сумел оценить важность в научном изучении народной песни лубочных изданий и песенников. Письмо это очень интересно и для истории собрания текстов Киреевского.

Очень любопытен также отрывок *из описи книг Языкова* — он очень ярко характеризует основные интересы Языкова в 30-х годах. Его чтение в этот период составляют, главным образом, книги религиозного характера и исторические сочинения. Здесь и Берховское „Царствование Алексея Михайловича", и историко-патриотический журнал Руссова „Воспоминание" и „История Малороссии". Особенное же внимание Языкова в этот период привлекает журнал „Христианское чтение": он выписал через Комовского (в конце 1831 г.) полный комплект этого журнала и с огромным интересом и рвением изучал его. Брату он писал по этому поводу: „Вчера получил я „Христианское чтение" и уже начал питаться им в удовольствие и в благо души моей. Книга чрезвычайно важная: в ней все дельно, умно, учено и изложено сильно и чисто; многому доброму можно или паче должно из нее научиться. Теперь для полного развития моих новых поэтических намерений недостает мне только: хорошего перевода и толкований на библию—немецких, церковной истории Иннокентия и Миней, но и все это приобрету со временем" и т. д. (Архив Языковых, ИРЛИ. Письмо от 13 янв. 1832 г.).

22

21 февраля [1834] Москва.

Ах, братец, коли б ты был здесь! то-то бы разцвели наши песни! а без тебя они сиротствуют. Я хотя и весь в них, душей и телом, а все таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти. От удовлетворительных и даже неудовлетворительных примечаний я, на первый раз, должен во всяком случае отказаться, но боюсь, чтоб даже и в самом расположении текста не вышло важных ошибок, а тем больше еще в сличении варьянтов; это дело не совсем легкое. А без тебя мне помочь некому. К тому же еще вот беда: я надеялся, что как скоро все будет приведено в порядок, то печатание продолжится не более двух месяцев, а теперь Максимович уверяет, будто никакая типография не возьмется печатать больше 4-х листов в неделю. Этаким образом печатание продолжится около года, потому что здесь нужно больше акуратности нежели во всех других книгах; а между тем уже весна на дворе; а весною я должен буду уехать. Уехать, не кончивши издания, мне бы очень не хотелось, а разрешение вопроса как же с этим быть? становит меня в совершенный тупик.

Если ты уж так, крепко уперся в своих волжских сторонах, то пожалоста же помоги мне хоть заочным советом. Пиши все, что тебе придет в голову об издании, об расположении, об

сличке варьянтов и проч. и проч. и проч. и пиши пожалоста поскорее, потому что мне бы хотелось в начале поста уже подать их в цензуру. Вот тебе покуда еще несколько об них подробностей: число песен, у меня теперь находящихся, еще не прикасаясь к печатным песенникам, состоит всеми варьянтами из 1210 №№. Кроме того Стихов, также считая варьянты, 100. — Соболевский, занимающийся в Петербурге собранием печатных песен (и становящий меня в великое недоумение своим замедлением) обещает привести оных еще около 1000 №№. Следовательно все составит около 2300, и можно предположить, что даже за исключением незначительных варьянтов, останется около 2000. Тут будет где разгуляться изучателю русского слова и духа, и народных преданий! — В числе находящихся теперь у меня 1210 заключено 112 исторических, (и это без варьянтов, а с варьянтами их [пропуск П. К-го] а между ними такие сокровища, существования которых я прежде и не подозревал. Вот тебе подробное их исчисление: О богатырях Владимира Великого 14 №№ (с варьянтами 19) это очевидно отрывки из больших поэм, которые, как я со временем надеюсь доказать, будучи отделены от напева и гуслей, превратились в теперешние сказки. Тоже вероятно было и с позднейшими, до Петра I. — Об Иване Вас. Грозном 12 №№ (с вар. 29); Из времени междуцарствия 5, и в этих песнях заключены почти все важнейшие происшествия того времени; вот их заглавия: 1. Смерть Годунова, про которого сказано, что он умертвил себя с горя ядом змейным; 2-е. О Григорье Отрепьеве и об избрании В. Шуйского. 3-е. О Попе Емеле; 4-е О Прокофье Петр[овиче] Ляпунове, который, как сказано, убит изменниками, подкупленными Сигизмундом. 5-е. О Минине-Сухоруком, о предложении венца князю Пожарскому и об избрании Михаила Федоровича. — О времени Алексея М[ихайловича] и по большей части о Стеньке Разине, 6 №№ (с вар. 11). О Петре Великом 17 №№ (с вар. 20). О семилетней войне 11 №№ (с вар. 36). Новейших, т. е. о Пугачеве, Румянцеве и двенадесятом годе 18 (с вар. 28). — Неразысканных, но побольшей части ясно принадлежащих ко временам до-Петровским 28 №№ (с вар. 55). — Из этого ты видишь, что я, отправляясь бродить по различным сторонам России, могу смело надеяться, найдти всю русскую историю в песнях!!

Напиши пожалуйста, если помнишь, в каких уездах и селах, собираемы были песни, тобою присланные. Да не можешь ли объяснить мне имена и происшествия, кото-

рые особенно должны быть известны в ваших сторонах, и находятся в числе неразысканных 28 №№, а именно: кто и когда был вор Копейкин? Что у вас рассказывается о девице—Атамане Разбойников, и какому времени ее отнести? Кто и когда был Рычков Атаман? Когда был Атаманом Яицкого Войска Алексей Иванович Митрясов. Когда и где был разбойник Колесов, который с товарищами, Тошею и Мошкою Медным Лбом ехал мимо села Загорина к тому селу Шереметеву? Кто был козак Емельян Иванович?—Да не случится-ли тебе где нибудь встретить объяснение следующим песням, которые и по складу и по содержанию должны быть о чем древнем: 1) Князь Роман жену терял: эту ты знаешь из варьянта, находящегося в собр. Кирши Данилова; 2) Над безобразием какого-то Князя Димитрия Степановича горбатого, косого, курносого, долгозубого и кривоногого—смеется его невеста Домна Фалелеевна; он подслушивает ее слова, скрывает свою досаду, и убивает ее после свадьбы. 3) Какой-то Князь Михайло уезжает на царскую службу и поручает матери свою молодую Княгиню; а мать велела баню топить, и горючь камень разжигать; и положила этот раскаленный камень молодой княг[ине] на белые груди.

Она в первый раз закричала,
А в другой-то застонала,
А в третий замолчала.

И как возвращается князь Михайло, находит свою княгиню мертвую в Грановитой Палате.—4) Какая-то прекрасная Елена, Дочь Королевская, впускает ночью любовника в свой высок терем; мать услышала ее слова, и спрашивает, кого она называет милым другом? а Елена выпутывается тем, что будто бы она видела во сне ее, (т. е. мать) и во сне ее так называла. 5) Какой-то Князь Голицын возвращается с полками в Москву, и пробирается переулками, потому что ему городом ехать стыдно. Он останавливается против Успенского собора, и молится скинув свою соболью шапку; потом упрекает царя, зачем он больших господ жалует, а чернь разоряет; и наконец просит, чтобы царь ему пожаловал город Малый Ярославец. Царь ему отвечает:

Я тебя, Князь Голицын, жалую
Двумя столбами с перекладиной
На шею на твою шелковую петельку.

Это, как ты видишь, происшествия частные, на которые можно в истории наткнуться только случайно. Не мудрено, что тебе хоть одно из них как нибудь встретится.

Куда ты думаешь, лучше отнести песни исторические? К песням ли или к Стихам? Некоторые из них поются как Стихи, другие и особенно по-Петровские, как простые песни; а разделять их хронологический ряд было бы жалко.

Я думал было сначала начать печатание со Стихов и песен исторических, потом приступить к балладическим, и т. д., но теперь мне кажется лучше начать обратно, т. е. с элегий, как легче других обходящихся без примечаний, чтобы хоть несколько выйграть времени для труднейших. Разряды я разобрал следующие, для которых еще впрочем не приискал приличных названий: в этом ты мне помоги. 1) Элегии любовные. 2) Романсы. 3) Баллады. 4) Свадебные, хороводные, и вообще Обрядные. 5) Воинственные, разбойничьи и солдатские. 6) Исторические, и наконец 7) Стихи религиозные.

Что ты обо всем этом думаешь?

Максимович говорит что первый и больше половины второго тома Гомеопатии готово, и спрашивает как ты повелишь печатать.

О Пушкине вот что пишут из Пбрга: НЕКТО, встретившись с ним сказал: Поздравляю тебя Пушкин камер-юнкером, а П. ответил: Благодарю: Вы первые меня поздравляете; все другие надо мною смеются.

Однако пора кончать. Крепко тебя обнимаю. Не сердись пожалуйста, что я давно не писал: всё песни!!

Весь и вечно твой П. Киреевский.

Письмо не датировано. На основании упоминания о камер-юнкерстве Пушкина относим его к 1834 г. (Пушкин получил камер-юнкерское звание 30 дек. 1833 г.).

Песни, о которых упоминает Киреевский, вошли в его издание, приготовленное к печати П. А. Бессоновым, однако не все. Так, напр., среди опубликованных текстов нет песни о Митрясове. Нам известна песня о Митрясове только по сборнику Железнова: „Уральцы. Очерки быта уральских казаков". Полное собрание сочинений И. И. Железнова, т. III, изд. 2, СПб., 1910, стр. 1-5,—но в ней упоминается не атаман Алексей Иванович Митрясов, а знаменосец Васильюшка Митрясов, который гибнет в столкновении яицких казаков с киргизами-каракалпаками.

Песни о богатырях Владимирова цикла напечатаны в вып. 1—4; *песни о Грозном*—в вып 6; *песни о Годунове и Отрепьеве*—в. 7, в том числе и тот вариант, который цитирует здесь П. Киреевский:

Уж и царствовал Борис ровно пять годов,
Умертвил себя Борис с горя ядом змейным,
Ядом змейным, кинжалом вострым.

Песни о Григории Отрепьеве и Смутном времени (в том числе и о попе Емеле) также в 7 выпуске; многие из этих песен записаны А. М. Языковым; песня о попе Емеле записана или самим Н. М. Языковым или кем-либо из его близких, так как датирована Симбирском. В том же выпуске — песни о Степане Разине с большим количеством вариантов — записи, главным образом, А. М. Языкова и Д. А. Валуева.

Песни о Пугачеве вошли в 9 выпуск: две из них записаны Н. М. Языковым; — среди приведенных песен имеется одна из Оренбургской губ., неизвестно кем записанная, об Емельяне Ивановиче (вып 9, стр. 247), вероятно ее и имеет в виду П. Киреевский, не догадавшийся сначала, что в ней речь идет о Пугачеве; в этом же выпуске и песни петровского времени.

Песнь о Рычкове (вып. 8, стр. 148—150) записана Языковым, а позже и самим Киреевским во время новгородской поездки; *песни о девице* — атамане разбойников — это, конечно, песни о Таньке Ростокинской (вып. 9, стр. 192); Бессонов отнес ее к елизаветинскому времени.

Песни о князе Романе, князе Михайле, Домне Фалелеевне — помещены в вып. 5, перепечатаны у Соболевского (Великорусские народные песни, т. I, №№ 66, 68, 173 и др.).

Очень любопытно упоминание *песни о князе Голицыне* — имеется в виду В. В. Голицын, сторонник и друг Софьи. Точно такой песни нет среди напечатанных Бессоновым (вып. 8), — очень возможно, что в своем описании Киреевский соединил содержание двух песен, записанных им в Московской губ. (с. Воронки, помечено „23 Июля", без года) и в Орловском уезде. В первой находятся цитированные Киреевским строки:

Ох ты, батюшка, государь-царь, ты наш православный,
Ты зачем государь-царь, черня-т разоряешь?
Ты зачем больших господ сподобляешь?
Ты пожалуй, государь, меня городочком.

Но этот вариант не имеет конца, указанного Киреевским. Орловский же вариант не содержит упрека, как в предыдущей песне, но заканчивается согласно цитате Киреевского:

Я тебя, князь Голицын, пожалую
Двумя столбами с перекладиной
На шею на твою — шелковую петельку.

Это письмо чрезвычайно важно, как свидетельство плана работы, сложившегося у Киреевского, поскольку можно судить по этому письму, еще в начале 1834 г. Следы этого плана сохранились в архиве Киреевского: по описанию М. Н. Сперанского, папки №№ 7, 7^{-4}, 7^{-2}, 7^{-3}, 7^{-5}, 12 — озаглавлены „Баллады и Элегии", папки № 8 и 10 — Элегии; № 9 — „Лакейские и нехорошие"; № 10а и 10в — „Баллады"; 11а и 11в — „Свадебные и другие"; № 13 — „Романсы и лакейские" и т. д. (Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М. 1911, стр. XXI—XXII).

Некто, о котором упоминает Киреевский, великий князь Михаил Павлович. Этот рассказ вполне подтверждается свидетельством самого Пушкина: в своем дневнике он записал 6 января: „Великий ки[язь] намедни поздравил меня в театре: покорнейше благодарю, Ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись. Вы первый меня поздравили" (Дневник Пушкина 1833—1835. Под ред. Б. Л. Модзалевского, ГИЗ, 1923, стр. 6).

Перевод „Гомеопатии" — Максимович, по поручению Языкова, переводил знаменитую работу основателя гомеопатии д-ра Ганнемана.

23

11 апреля [1834]. Москва.

Посылаю тебе, вместо формы об отставке, и вместо имени Тайного Советника Ивана Устиновича Пейкера—официальное известие об отставке, добытое наконец Аксаковым, который с Пейкером весьма закадышен. Из этого ты по крайней мере увидишь, что уже не нужно тебе подавать в отставку в другой раз, а только остается потребовать объяснения, 1) по какой причине тебе до сих пор об этом не было сообщено, и 2) даны ли тебе при отставке чин и двухмесячное старшинство. Прилагаемая записка написана так глупо, что из нее никакого толку добраться невозможно.—Впрочем ты еще негодовать за это погоди, потому что это должно объясниться вскоре, а на чин ты имеешь полное и неотъемлемое право по законам, потому должен требовать не только чина, но и старшинства, для того, чтобы чин считался как данный на службе, а не как полученный при отставке.

Я к тебе не писал уже давным давно, но ты, получа коротенькое письмецо от брата, верно на меня не сердишься.

Он почти уверен, что ты к 31 Апрелю будешь в Москве, чтобы вместе выпить бокал шампанского за здоровье молодых. Вот бы ты обрадовал-то!—И точно, стоит того, чтобы приехать из Камчатки, чтобы только видеть счастливым такого человека, как брат: такое это странное и вместе поэтическое явление!—Приезжай хоть на недельку!

Однако пора кончить. Завтра буду писать больше, и надеюсь также отправить калоши, которых к нынешнему утру достать было невозможно.

Прощай покуда
весь и вечно твой
П. Киреевский.

Год на письме не указан; относится к 1834 г., так как в этом году (29 апреля) произошло бракосочетание Ив. Киреевского и Нат. Петр. Арбеневой.

24

12 Апреля [1834].

Что делать, братец, опять только несколько строк! Проспал!

Посылаю тебе требованные две пары калош, которые стоят 20 р. монетою, следовательно в остаче 30 р. асс. и 2.80 к. мон.—а еще прежних остачь было около 50 асс. Но об этом я тебе пришлю ведомость, а то ты об остачах кажется все забываешь.

Свербеев тебе кланяется и поручает тебе отдать его поклоны Петру Михайловичу и Александру Михайловичу.

Максимович просил тебя уведомить что перевод Гомеопатии наконец совершенно кончен, и остается приступить к печати.

Однако пора кончить
Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Петерсон служит в канцелярии Графа Воронцова и говорят доволен службою как нельзя больше.

Крепко тебе жму руку за халаты! Я думаю что у турецких султанов не бывает лучших. Я теперь по утрам бываю настоящим Махмудом.

Год не указан, относится к 1834 г., так как в этом году был окончен Максимовичем перевод „Гомеопатии" Ганнемана.

25

Новгород. 1 сентября 1834.

Повинную голову мечь не сечет!

Я хотя и в самом деле виноват пред тобою, но может быть меньше, нежели ты думаешь; потому что хотелось дать тебе поподробнее отчет о плодах моей поездки, а кроме того и стыдно было признаться, что этих плодов так мало! Теперь, хоть стыдно, пришлось признаваться, потому что дело уже приходит к концу, а лето вознаградить трудно.

Дело в том, что я ошибся в расчетах думая, что собирать песни везде также легко как в Ильинском или Архангельском. Наши уже писали тебе, что я, еще с 15 Мая, выехал из Москвы на странствие. Рассматривая карту России, думал я, что всего лучше выбрать для этого какой нибудь маленький городок в стороне богатой событиями историческими и вдалеке от всякой большой дороги, а потому и от моды, и основавши в этом городке свою главную квартиру, делать вылазки по окрестностям.—Для этого, сообразуясь только с одною ландкартою, выбрал Осташков. Но уже приехавши в Осташков, я узнал, что он не таков каким я себе воображал его. Я воображал, что найду глушь, а вместо того нашел едва ли не самый образованный уездный город в России, в котором всякий кузнец и всякая пряничница читает Тысячу и одну ночь и уже стыдится бородатых песен, а поет: Кто мог любить так страстно и даже Мчится тройка удалая; нашел там даже довольно порядочную библиотеку для чтения, заведенную мещанами, у которой из

добровольных приношений уже составилось около тысячи рублей ежегодного дохода, и об которой буду писать к тебе подробнее в другой раз.—Все это не могло меня не порадовать, однако не было благоприятно для песен. Я надеялся еще на окрестности и прожил там слишком два месяца разъезжая по деревенским ярманкам. И в самом деле в тамошнем уезде можно было бы собрать много любопытного, но только—не в таких обстоятельствах, в каких я там был.—Чтоб иметь успех надобно было 1) иметь какой нибудь посторонний предлог для житья в Осташкове, и 2) знакомство с помещиками, а у меня ни того ни другого не было; а потому меня там не только в простонародье но даже и в тамошнем beau-monde боялись как чумы, воображая во мне сначала шпиона, а потом карбонара. По этому было со мною множество уморительных, самых Дон-Кишотских приключений (о которых после), но в песнях совершенная неудача. Я бросил наконец Осташков и явился сюда, в Великий Новгород, где живу уже целый месяц. Но здесь еще хуже. Военные поселения, обозначив каждого обывателя нумером и надевши на всех либо красные либо черные ошейники, стерли поэзию почти до последней буквы; а кроме того и затруднения, бывшие в Осташкове, здесь еще увеличились.—Неудача моя самая полная, какая только могла быть.—Теперь думаю тихим шагом ехать назад и попробовать еще не удастся ли собрать чего нибудь по дороге, тем больше что в Торжке 15 сент. будет ярманка.

Все приобретения, сделанные в это лето, (кроме одного стиха о Скопине-Шуйском) ограничиваются совершенными пустяками: десятка 3 свадебных песен (где встречаются слова очень древние, как напр. комони и пр.) очень хороший и полнейший из всех варьянт Лазаря, и несколько любопытных образчиков белорусского наречия, сказанных нищею из Могилевской губ. Об остальном говорить не стоит.

Вот тебе покуда моя исповедь вообще. Больше буду писать скоро; а ты покуда не сердись на меня.

Маминька писала, что не так давно от тебя была грамотка; но по несчастью ее послали в Осташков тогда, когда уже я уехал оттуда и она пропала! Досадно!—Если ты не сердит, то пиши ко мне в Москву.

Покуда прощай. Крепко тебя обнимаю.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Осташковско-новгородское путешествие П. В. Киреевского очень мало освещено в дошедшей до нас эпистолярной и мемуарной литературе. Несколько писем этого периода опубликовано в „Русск. Архиве"

(1905, № 2). 3 июля 1834 г. Киреевский писал домой: „Кажется, я попал, наконец, на свою колею и не возвращусь оттуда с пустыми руками". Следующее письмо — от 23 июля — носит менее бодрый характер: „Все это время, — пишет он, — я был в разъездах. 11-го ночью приплыл из своего (опять неудачного) похода в Новгородскую губернию, где пробыл целую неделю и через два дня после возвращения опять уплыл верст за 12 от Осташкова на сельский праздник, где пробыл еще три дня. Вся моя добыча, привезенная с этой вылазки: 2 утки, 3 чайки и 20 свадебных песен. Что делать! Авось либо Новгород будет счастливее" (стр. 145—146)

Однако, Новгород еще более разочаровал Киреевского. 6 августа 1834 г. он писал уже из Новгорода: „Ездить отсюда некуда, кроме разве некоторых монастырей, и предания здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже и тень поэзии несовместна. Стало-быть, на песни здесь мало надежды, зато надобно хорошенько рассмотреть и узнать здешнюю каменную поэзию, еще богатую" (стр. 146). Выбор Новгорода и соседних с ним мест для сборов памятников народной поэзии объяснялся, конечно, историческим значением последнего.

Поездка в Осташково осложнилась для Киреевского любопытным административным эпизодом, о котором сообщает в письме мать его А. П. Елагина. „Когда он [П. К.] нынешнее лето собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушивание их не райских песен, то городничему показался он весьма подозрителен; он послал рапорт к губернатору; то же сделали многие помещики, удивленные поступками слишком скромными такого чудака, который, по несчастью, называется студентом. Губернатор послал запрос Малиновскому, а тот по обыкновенному благородству своего характера, ответил, что он Киреевского не знает" (Уткинский сборник, М. 1904, стр. 56).

26

Москва. 1835. Генв. 8.

Во первых крепко тебя обнимаю, поздравляю с Новым годом, и благодарю за то что ты на меня не сердишься не смотря на долгое мое молчание; а потом уже следует объяснить, почему я не писал так давно. Кроме множества накопившихся забот, растаскивавших меня из стороны в сторону, излишняя громада всякой всячины, о которой мне необходимо с тобой беседовать по части песен, так плотно наполнила уста мои, что и совсем их на такое долгое время запечатала. И точно, мудрено писать о вещах посторонних, когда дело беспрестанно напоминает о своих законных правах на ближайшее слово; между тем как об деле, особливо таком значительном и многосложном, писать наобум нельзя: необходима тьма тьмущая сведений, справок и поверок; а множества из оных я ждал, ждал, искал, искал, добивался, добивался, — и до сих пор еще не дождался, не отыскал и не добился так, как бы хотелось. За то уж и мое терпение наконец лопнуло; я решился лучше писать аки человек необстоятельный, нежели молчать слишком обстоятельно; иначе бы мог и твое терпение подвергнуть излишнему искушению. Крепкое

тебе спасибо за то что ты до сих пор на меня не рассердился!

Собрание с тех пор обогатилось многими любопытными вещами; и останавливают решительный приступ к печатанию два главных обстоятельства: пробный лист и Соболевский. Без пробного листа нельзя ни сделать верной сметы издержкам издания, ни вследствие оной вступать в переговоры с Смирдиным. До сих пор кажется мне что должно выйдти около 10-ти томов in 8° считая каждый том в 20 листов! такая громада потребует не маленьких издержек: может быть от 10 до 15 тысяч. Но об этом буду писать акуратнее на днях, когда отпечатается пробный лист, а покуда и говорить нечего.—Что касается до Соболевского, то он запутал меня по части Песенников: еще прошедшей зимою он прислал мне список печатных песенников, которые он достал в Пбурге и в которых заключается почти всё важнейшее, уведомляя что он собрал их для меня, а потому чтоб я не собирал их в Москве если не хочу иметь двойных экземпляров. Вслед затем писал об своем немедленном выезде в Москву и до самого моего отъезда в Осташков беспрестанно возобновлялся слух, что Соболевский через два дня выезжает; а с самого моего возвращения об нем нет ни слуху, ни духу! — Это тем досаднее, что без него бы я все эти песенники давно [бы] сам собрал, а теперь за ними должен медлить. — Опять на днях буду писать к нему.

Но обо всем об этом в следующий раз, и тогда поакуратнее. Покуда вот об чем: Валуев сказывал, что Алекс[андр] Мих[айлович] собирается по последнему пути в Москву; неужели же с ним не приедет и Николай Михайлович? Это был бы истинный грех с твоей стороны! Не говорю уже об себе и об нашем песенном деле, которые мои одинокие плеча должны нести медленно и с трудом, а с тобою бы пошло живо и скоро; но есть ли бы ты знал какая в Москве всеобщая жажда тебя, то уж ты давно бы хотя бы на недельку да заглянул сюда! — Даже до последнего-то пути тебя дожидаться слишком долго! Что дел у тебя в деревне никаких быть не может, это уж давно решил общий голос: а глас народа глас божий. Что ты на пример скажешь на следующее предложение: поедешь ли ты с нами, есть ли мы трое, т. е. я, Папинька и Хомяков приедем за тобою? Как ты думаешь?

Твой всей душой
П. Киреевский.

О пробном листе „песен", относящихся к 1835 году, до сих пор в литературе никаких сведений не было, нет следов его — по данным М. Н. Сперанского—и в сохранившемся архиве Киреевского. Но в архиве

сохранились пробные листы 1838 г. Заглавие: „Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть I. Песни свадебные". Тетрадь имеет пометку цензора: 5 марта 1838 г. В нее вошло 100 свадебных песен.

27

Москва. 1835. Февраля 20.

Homo proponet, Deus disponet!

Вместо того, чтобы писать к тебе о множестве предложений и распоряжений о которых нужно было мне уже давно беседовать с тобою по части нашего песенного дела и которые частию и по собственной моей вине, но еще гораздо больше произволением судьбы уже давно копились невыраженные и несообщенные; теперь приходится всю эту массу свернуть в один маленький шарик (впрочем совсем не из нее сделанный) и сказать один результат (выходящий совсем не оттуда), а именно: я весною уезжаю в чужие края! следовательно печатание опять должно будет прерваться по крайней мере на полгода.

Ты на меня не рассердишься за это, когда я скажу, что доктора приговорили Маминьке необходимо и немедленно то есть в мае ехать в Карлсбад. А так как без сопровождающего мущины ехать невозможно, то я буду провожать ее. Маленьких детей она также возьмет с собою. Я также этим случаем воспользуюсь и буду пить воды.

О том, как я думаю и это время соединить с пользою наших песен, буду писать в другой раз; теперь лучше говорить о том, на что бы я желал получить от тебя ответ скорейший: ты также болен и, говорят, на воды собирался: поедем вместе!—Подумай об этом и пиши. Что это тебе сделает пользу, в этом я нисколько не сомневаюсь; а пренебрегать своим здоровьем тебе грех. Теперь же ты будешь иметь еще и ту выгоду, что будешь избавлен от мелочных дорожных забот, которые я с восторгом возьму на себя. Если ты на это согласишься, то мы бы устроились таким образом: ты бы поехал не вместе с нашими дамами, а за ними, чтобы мне быть только всегда близко к ним на случай нужды. И для тебя бы это было гораздо спокойнее. Как ты думаешь? пиши поскорее. Есть ли же ты, бог даст, согласишься, то я в апреле месяце готов приехать за тобою в Симбирск.

Жду твоего ответа.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Посылаю тебе расписки Андроссова на 1000 р. За мною еще есть твои деньги, которые ныньче же хотел выслать, да опоздал.

Хомяков тебе кланяется.

Совместная поездка Киреевского и Языкова за границу на этот раз не состоялась; второе заграничное путешествие Киреевского продолжалось с июня по октябрь; спутником его был Титов. Главная цель поездки была лечебная, и он почти все время провел в Франценбрунне. На обратном пути несколько дней прожил в Праге.

В 1838 году Киреевский принял давнее предложение Языкова погостить у него в деревне; весной этого года он посетил больного Языкова, с которым несколько позже выехал за границу.

28

Москва. 6 Марта 1835.

С нетерпением жду твоего ответа на мое последнее письмо! Есть ли б ты мне отвечал поедем! то я бы до потолка вспрыгнул от радости и в половине апреля явился бы в Симбирск за тобою, а в мае уж мы бы плыли по волнам Балтийским. Долго ждал я, как ворон крови, что Алекс. Мих. приедет сюда по первому пути, и что ты вместе с ним приедешь: но увы! а есть ли бы ты был здесь, то я не сомневался что мне удалось бы доказать тебе как 2:2=4 что взглянуть, хоть мельком, на бусурманские земли, хоть несколько месяцев подышать бусурманским воздухом, совсем не то, что воображать все это. Кроме того, тебе быть больным и худощавым—просто грешно!! а там, как тебе известно, не одне воды, но и древо медицины процветает во всей своей роскоши, со всеми ветвями, как аллопатическими, так и гомеопатическими.

Что ты будешь отвечать—не знаю, но мне как-то мечтается ответ счастливый.

Соединить отлучку за границу с песнями я думаю следующим образом. До возвращения не издавать ни одного тома, потому что это могло бы повредить общему впечатлению на публику, тем больше, что начинать с самого интересного и неизвестного невозможно за недостатком обработки. А так как мне оставаться за границею долее начала зимы вероятно будет не нужно, то это время можно употребить 1) на примечания и свод всех варьянтов, 2) на собрание и соображение всего, что было издано из иностранных и особенно славянских народных песен и 3) на изучение славянских языков, в Богемии очень удобное. Приготовивши таким образом все издание от начала до конца, можно будет в начале зимы вознаградить просрочку быстротою печатания, потому, что есть ли печатать том за томом, как обыкновенно, то и самая расторопная типо-

графия не обещает кончить прежде г о д а, а приготовивши как первый, так и последний том, можно подобрать одинакий шрифт в трех типографиях печатать в трех разом и кончить еще прежде окончания будущей зимы. Есть ли же бог даст, что мы поедем вместе с т о б о ю, есть ли и твоя рука поможет мне работать над этим храмом, то [он] явится на белом свете как Минерва, вышедшая из головы Юпитера.

Покуда пора кончать. Подумай, братец! или лучше сказать не думай, чего тут думать, а скажи: п р и е з ж а й, я с о г л а с е н!

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Сегодня должен выйти 1 № Наблюдателя. Об нем после. Что касается до участья в нем Киреевских, о котором ты спрашиваешь, то оно будет очень невелико: брат в о в с е не участвует, потому что его имя вычеркнули в Пбрге, а я очень мало, потому что занят. Не поможет ли ему Языков? а дело доброе.

29

Москва. 13 Марта 1835.

Вот тебе опять только несколько строк, да за то такие, которым ты порадуешься: в день появления жаворонков, 9 марта, у брата родился сын, В а с и л и й И в а н о в и ч К и р е е в с к и й! — Брат сам хотел писать к тебе с е г о д н я, да не знаю поспеет ли за своими хлопотами около м о л о д о й матери; а потому я не хотел пропустить почты, ч т о б ы поскорее поделиться с тобою радостью.

Весь и вечно твой
П. Киреевский.

Маминька посылает тебе свой перев од Гофманова Щелкуна.

Что же твой ответ о чужих краях?

30

Москва. 21 Апреля 1837

Христос воскресе!

Крепко тебя обнимаю и благодарю за твои два письма, которые я получил. Но сам покуда пишу только несколько строчек, почтового ради поспешения; больше буду писать в следующий раз.

Начну с того, что от всей души поздравляю тебя с племянником!—Что ты ни говоришь о пользе которую деревня приносит твоей деятельности, но вот тебе еще новая причина приехать, по данному обещанию, в Москву. Нельзя же тебе не встретить и не приветствовать этого дорогого гостя.—Тут должно рушиться и софистическое твое уверение будто бы все и не видавши, можно себе вообразить; ты конечно теперь этого не скажешь.

Перед Катериной Михайловной мне чрезвычайно совестно. Но я непременно представлюсь ей, как скоро только узнаю что это возможно будет сделать.

Спасибо тебе за Индрика зверя. И помогай бог тебе собрать еще побольше; особливо Стихов. Теперь кажется именно те минуты, когда должно всеми силами опрокинуться на их собирание, потому что указ о запрещении нищих, которому недавно еще было строгое подтверждение, грозится вырвать с корнем эту отрасль преданий; и при мерах, употребляемых теперь против хождения нищих, можно ожидать, что лет через пять уже все будет забыто. А тут десятилетний перерыв уничтожает навеки.

Над песнями я работаю. Несколько студентов доставили мне еще около 300 №№ между которыми есть неизвестные мне; а все вообще важны как варьянты. Некто Трубников доставил мне свадебный обряд с песнями, прекрасно записанный, из Тамбовской губернии. Это все приобретения весьма хорошие.

Но покуда главное дело справиться с изданием. Вот тебе на суд два предложения с двух разных сторон, о напечатании песен безо всяких издержек: Селивановский предлагает в Москве, а Одоевский в Пбрге. Покуда еще не знаю в подробности их условий, но как скоро приведу в известность, напишу тебе. Оба имеют и выгодные и невыгодные стороны. Селив[ановский] не так надежен и ужасно медленен, за то близко; Одоевский надежен совершенно, но в Пбрге, а я не знаю еще как скоро его типография может печатать. Но обо всем об этом буду писать акуратнее, справившись акуратнее.

Книжный магазин в Москве Смирдин непременно заводит, и говорят что он непременно должен открыться в мае; но до сих пор еще Смирдин сюда не приезжал, вот его ждут с самого нового года.

Оренб[ургской] Топогр[афии] до сих пор еще не мог достать. Я закажу ее во всех книжных лавках. А между тем есть ли она тебе нужна к спеху, то я тебе могу прислать свою, потому что у меня есть полные Ежемесячные записки.

Пословицы лучше побереги до поры до времени. Потому что я теперь покуда в песнях, а Снегирев в народных праздниках.

Тебе кланяется В. А. Никольский. Он поручил тебе сказать, что тебе грешно будет если ты для своего излечения не съездишь в Пбрг. Там появился какой то немец, которого имени он не помнит, и этот немец, как ему рассказывали люди самые достоверные, излечивает солитеров совершенно радикально и несомненно; а сверх того и скоро.

Однако пора кончать. Обнимаю тебя. Передай мой усердный поклон Петру Мих. и Алекс. Мих.

Вечно твой
Петр Киреевский.

Что касается до песенной прокламации, то я совершенно с тобою согласен.

Поздравление с племянником — рождение сына у Хомяковых; *Катерина Михайловна* — сестра Языкова, жена Хомякова.

Меры против хождения нищих — в 1837 г. было издано постановление, по которому профессиональные нищие приравнивались к бродягам и отправлялись на казенные фабрики или в Сибирь.

О *собрании пословиц*, сделанном Языковым, сведений в литературе нет, — в архиве его также не сохранилось этих записей.

„*Оренбургская Топография*" — известный труд П. И. Рычкова (1762 г.) под таким заглавием.

О *песенной прокламации* — к этой мысли Киреевский возвращался неоднократно, видимо, главным образом, под влиянием Языкова. Во время пребывания его в имении Языкова он написал даже текст такого обращения, которое передал б. симбирскому губернатору, назначенному на ту же должность в Вятку, для опубликования в Вятских губ. ведомостях. Однако, в этом издании за 1838 г. она не появилась, и об ее судьбе ничего не известно.

31

Сельцо Киреевская слободка. 1837. Окт. 3.

Давно уж я к тебе не писал и тяжко думать, что ты на меня может быть сердишься: но есть ли бы ты знал какую кочующую жизнь я вел почти все это время, то приняв в соображение свою собственную натуру почувствовал бы, как безалаберно должно проходить время для человека от природы неповоротливого, когда судьба его беспрестанно переметывает с места на место; и как трудно при таких обстоятельствах не только быстро вести вперед великое д е л о п е с е н, но даже и вообще сохранить хоть некоторую алаберность. Дай срок! Придет время, и авось либо скоро, когда и я буду человеком порядочным. А покуда не сердись.

Теперь покуда пишу опять несколько строк, и то по делу. Так как у тебя теперь, как говорят, гостят Хомяковы, то я получил великую надежду что Катерина Михайловна наконец убедит тебя сдержать давнишнее обещание, и вместе с ними приехать в Москву. Авось-либо так!—Между тем мне нужно посылать к тебе большую сумму денег, и я не знаю застанет ли она тебя еще в Языкове; потому и отправляю сперва это передовое письмо, чтобы тебя предупредить.

Маминька поручила мне доставить тебе деньги 10.600 асс., за которые она благодарит тебя от всей души. Ты дал ей средство сделать доброе дело и выручить из беды человека, хотя и совершенно ей незнакомого, но об котором ее просил покойный Рамих, и который бы иначе погиб. Помочь так значительно человеку незнакомому было дело очень отважное; но по счастью он оказался человеком честным, и как скоро получил возможность, заплатил. Маминька не хотела тогда сказать об этом нам по чувству деликатности, разумеется фальшивой, но очень естественной при таком случае; и тем важнее была для нее услуга твоей дружбы. Когда получишь деньги перешли ее вексель и расписку сюда на мое имя (т. е. в Орел, для доставления в Кир. Слободку). Крепко тебя обнимаю. На днях, при деньгах, буду писать больше.

Весь и вечно твой Петр Киреевский.

32

Москва. 22 Генв. 1838.

Крепко тебя обнимаю, друже Языков! Письмо твое от 8 Генв. меня очень обрадовало; по крайней мере вижу из него, что тебе хоть несколько лучше и ты можешь писать. С нетерпением жду скорого большого письма, которое ты обещаешь; не поленись. — Участием людей ты богат, но не для многих твое дружеское рукожатие так существенно, как для меня. Вне моей семьи ты у меня один, а моя душа старовер: ее церковь не терпит новизны и питается только до-Никоновскими просвирами. Знай же это и помни про случай: в жизни большей части людей бывает такая эпоха, когда все под их ногами начинает хрустеть и шататься; от такой эпохи сохрани тебя бог; но тогда может быть и я пригожусь тебе.

Ради бога береги себя, и не шути своим здоровьем! пуще всего приезжай скорее сюда. — На меня находит большое покушение ехать за тобою; и есть ли бы я знал, что это ускорит твой отъезд, сейчас бы к тебе отправился.

Весь твой Петр Киреевский.

33

Киреевская слободка. Февр. 21. 1839.

Не сердись на меня, друже, старче честной! что я вопреки обещанию так давно к тебе не писал: я еду гораздо долее нежели предполагал, и до сих пор еще, как ты видишь из заглавия, не добрался до Москвы: я пробыл 6 дней в Праге, 4 во Львове, 5 в Киеве, и теперь уже пятый день как здесь, в деревне, откуда выезжаю завтра с Орловским дилижансом в Москву. И во всех этих местах, где я останавливался, почти невозможно было пробыть меньше и до сих пор почти также невозможно было писать: в Праге и Львове меня почти ни на минуту не оставляли наши гостеприимные собратья Славяне, в Киеве я останавливался у Максимовича, где также писать было некогда, а здесь только теперь насилу справился с делами хозяйственными. Таким образом прошло полтора месяца с моего выезда, прежде чем я успел опомниться, и очень боюсь что наши московские уже давно обо мне беспокоятся; потому что я, забыв считать время, и к ним также еще не писал с дороги.

Когда ты, справившись с богатырскими силами, пустишься в возвратный путь, то советую и тебе, (не минуя впрочем Дрезденской галереи) избрать эту славянскую дорогу, через Прагу и Львов. Тут многое порадует твое русское сердце, и возбудит на твоей лире многие, истинно градозиждущие звуки. Нигде Россия не кажется так величественна как среди этих словянских народов, которым только и радости что любоваться ею издалека, и которые смотрят на нее с таким же чувством, как бы смертельно раненый солдат на одолевших товарищей.—Правда, что в Праге и особенно во Львове, слушая с какими надеждами эти наши соплеменники говорят об России, во мне часто растравлялось чувство очень мучительное, которого я не мог решиться им высказать, чтобы их не разочаровывать; со всем тем однакоже время, которое я там провел мне было очень приятно. Особенно мне было приятно и неожиданно встретить во Львове еще живые отпрыски древней Галицкой Руси. Между тамошним униатским духовенством есть много людей истинно образованных, у которых только и мысли что Православие и Русь... Есть ли поедешь на Львов, то непременно познакомься с ними.—Я уверен что там тебя многое порадует.

А между тем, ради бога, не скучай в немецком царстве. Это также должно много содействовать к основательнейшему и быстрейшему твоему исцелению. Нехороши немцы, а германцы народ еще довольно почтенный, и особенно еще имеют соделаться почтенными тем, что должны содействовать к скорейшему поставлению тебя на

ноги. Нетерпеливо жду твоих писем. — Покуда должен кончить, потому что уж скоро полночь: по приезде в Москву буду скоро опять писать. — Крепко тебя обнимаю.

Твой П. К.

Передай от меня усердный поклон Петру Михайловичу и Ивану Петровичу.

Это письмо адресовано к больному Языкову в Ганау, куда ездил в 1838 г. отвез П. Киреевский. М. О. Гершензон в биографическом очерке П. В. Киреевского ошибочно указывает, что из заграничной поездки Киреевский вернулся только весной 1839 г. Это письмо показывает что К. был дома уже в феврале. Это была последняя поездка его за границу.

34

Москва. Апреля. 1839

От всей души обнимаю тебя, друже, и благодарю за твое письмо. Слава богу что ты наконец избавился от своей лихорадки которая так некстати было вздумала замедлять твое возвращение в твой настоящий вид. Мое желание тебе пуще всего состоит в том, чтобы тебе бог дал бодрое расположение духа; тогда и прочее все конечно придет вдвое скорее. Впрочем теперь уже у вас там полный развал весенней теплоты, и я надеюсь, что тебе теперь легче будет избавиться от своей хандры имея возможность отогреваться на солнце и не находясь долее в необходимости свертываться, по твоему обыкновению, в клубочек. Что-то теперь ваш Англичин и ваша музыкальная Академия? Есть ли нервы твои перестали противиться музыкальным звукам, то я бы особенно тебе рекомендовал гитару: сидел бы ты, старичек, да пощипывал бы; и тоска бы к тебе не смела подступиться; а между тем это было бы занятие самое удобное и во время водных курсов, которым время подходит.

Когда обозначится время вашего отъезда в Крейцнах, то напиши как можно акуратнее когда и куда адресовать письма, потому что я не намерен продолжать такого молчания как до сих пор. Одною из главных причин теперешнего молчания было то, что мне было совестно признаться — чего однакож никогда не могу миновать — что я не успел еще приняться за песни. — В следующем письмеавось либо удастся дать об них вести больше удовлетворительные.

Об Литературе на этот раз сказать нечего; тем больше, что ты список всему новому увидишь в Отечественных записках, которые тебе посылает Кат[ерина] Мих[айловна] и которые должны дойти к тебе в скором времени с

Н. Ф. Бахметьевым. Всего замечательнее издание многих документов по Русской истории, на поприще которой, кроме Арх. Комис., подвизаются особенно К. Оболенский и Муханов.—Арх[еографическая] Ком[иссия] напечатала собрание юридических актов — очень важное, Муханов готовится издать новую часть своего сборника; Оболенский издал также Сборник, почерпнутый им из Моск. Архива, и очень любопытный. Для продолжения своего сборника он просит у меня Толстовские письма Петра Великого, но я не могу на это согласиться без вашего разрешения, потому что они назначались в будущий Синбирский сборник. Впрочем так как Синбирский Сборник еще за горами и ко времени своего появления еще успеет обогатиться многими новыми приобретениями, то я был бы не против этого, потому что Оболенский самый акуратный изо всех существующих у нас издателей русских памятников. Как ты об этом посудишь? Что скажет Петр Михайлович? Честь и слава Петру Мих. за обретение рукописи об Петре! а с моей стороны благодарственное челобитье до земли!—Собираюсь писать к нему особенно, а между тем передаю три усердные поклоны ему и Ивану Петр[овичу], к которому также обещаюсь писать.

У нас слава Богу все довольно хорошо. В следующий раз буду писать больше, а теперь покуда пора кончить. Крепко обнимаю тебя! Восстановляйся и крепни скорее, а пуще всего гони от себя прочь тоску. Бог даст все будет по желанию.

Твой Петр К.

Относится к концу апреля. На первой странице рукою Языкова помечено: „№ 1 получено 26 мая." Адресовано в Ганау, откуда было переслано в Крейцнах, где находился в мае 1839 г. Языков.

Иван Петрович — доктор Постников, сопровождавший Языкова за границу.

35

Да здравствуешь, наконец в Москве, друже Языков! Насилу то опять к нам. Ты хоть верно на меня очень сердит, зато что я так долго собирался писать тебе, да авось-либо, сидя в белокаменной, приложишь и ко мне древний ее закон, что дескать повинную голову мечь не сечет. Я уж давно собираюсь в Москву, чтобы покрепче тебя стиснуть в приветственные объятия, да все еще меня держат необходимые деревенские дрязги, от которых тебя, слава богу, судьба сохранила и скуки которых не дай тебе бог испытать. Авось-либо около половины сентября удастся обнять тебя и испытать на себе прежнюю крепость твоих

мышц. О песнях покуда совестно и говорить. Это уж до свиданья. Обнимаю тебя крепко.

Весь твой Петр Киреевский.

Письмо не датировано. Относится, очевидно, к 1843 г., когда Н. М. Языков вернулся после длительного пребывания за границей, где он лечился, в Москву.

36

Орел 7 Генв. 1846.

Здравуй (sic) друже-старче! на новый 1846 год, и многие, многие новые годы, которые хотя да будут всегда новые, но да отражают в себе все ярче и ярче всю красоту наших прежних, старых лет — и нашей православной Руси и нашей молодости; потому что все таки ж ничему новому не бывать милее старого, разве только укреплять и освежать то, что составляет его душу. Дай то бог, чтобы этот год окончательно тебя поставил на ноги и ополчил [?] нам на славу, а тебе на утеху! На это я крепко надеюсь.

Последние два года были так богаты тяжелыми, невозвратными потерями, что кажется можно надеяться, что нынешний принесет нам, по крайней мере, силы, которые нам тем нужнее.

Что я уж давно собираюсь к тебе писать, об этом и говорить нечего, потому что это ты и сам, вероятно, не хуже моего знаешь; хоть и показалось мне из твоего последнего письма, как будто ты на меня несколько ожесточен; может быть, отчасти, и за мое молчание. В судьбе песен я оправдываться не буду; скажу только что в этом деле много остается и останется темного. Так, на пример, разумеется, никому не покажется вероятным, чтобы в эти полгода, которые мы с тобой не видались, я ни разу не был дома долее недели, и что между этими неделями всегда проходило около месяца, хоть я не мог бы привести на это актальные доказательства и доказательства тому, что это не могло быть иначе. А между тем эти полгода также приложились ко многим другим полугодиям, на которые и оправдательные документы исчезли, как от времени, так и от их бесполезности. Есть ли даст бог жизни и силы, то я дело свое все таки ж кончу; а между тем всякому другому издателю песен буду рад, и непритворно, потому что это источник неисчерпаемый и другой черпатель мне никогда не помешает. Тем больше рад, есть ли Якушкин и кн. Костров собрали множество песен; потому что они собирали для меня и по моему заказу. Это двое юношей, с которыми я очень желал, чтобы ты познакомился, потому что они оба обещают быть полезными дея-

телями; особенно кн. Костров, который мне очень понравился; а твое знакомство помогло бы им много.

Обо всем нашем здешнем житье-бытье тебе писать нечего, потому что ты недавно имел свежие новости от Алексея Андр[еевича] и брата Николая; а об себе скажу только, что время, свободное от разъездов и хозяйства, я особенно употребляю теперь на окончание своей статьи, для которой мне нужно множество выписок, но которую я, прежде всего другого, непременно хочу кончить и напечатать отдельно.—А для этого, между прочим, и тебя прошу мне помочь: а именно, есть ли ты еще не отослал своих Археографических Летописей, то пришли мне их, пожалуйста, на несколько времени, покуда я достану свой собственный экземпляр; потому что я уже два раза заказывал, чтобы мне их достали, но до сих пор напрасно, к стыду московской книжной торговли их в Москве ни у кого нет; а мне они необходимы.—Будь же здрав: крепко тебя обнимаю. Завтра еду на свадьбу, которая будет 11-е.

Твой Петр Киреевский.

Ты верно уж получил посылку для Петра Михайловича: это чертовы когти и палец, собранные в Орловском уезде, на Сухой Орлице на которой и я сижу. Я уже давно собираюсь к нему писать, и авось наконец соберусь. Когда ты его ждешь в Москву?

Да пожалоста покрепче пожми от меня руку у Панова, которого я еще вдвое полюбил. И скажи ему, что я ему отменно благодарен за присылку Соловьевской диссертации, которая меня очень порадовала.

Костров, Николай Алексеевич, князь — сибирский краевед, автор ряда работ, по преимуществу описательного порядка, по этнографии, фольклору, археологии, истории и экономике Сибири. Н. А. Костров в 1844 г окончил Московский университет и в начале 50-х гг. находился на службе в Вост. Сибири сначала в качестве чиновника особых поручений при Енисейском губернаторе в Красноярске, а затем минусинским окружным начальником. Краткий биографический очерк К. со списком его трудов составлен О. А. Зеленикиной (Этногр. бюллетень Вост.-сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, Ирк., 1923, № 4, стр. 1—7).

Якушкин Павел Иванович — знаменитый впоследствии собиратель, начавший свою деятельность под руководством П. В. Киреевского.

Статья, о которой упоминает Киреевский, — „О древней русской истории (ответ М. П. Погодину)“, Москвитянин, 1845, 3, — так и оставшаяся неоконченной.

Брат Николай — Николай Алексеевич Елагин.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Настоящий указатель не преследует комментационных целей и является только в полном смысле слова указателем. Аннотации сведены в нем до самых минимальных пределов и имеют только ориентировочный характер, за исключением тех случаев, когда речь идет о лице, сравнительно мало известном. Указатель охватывает исключительно имена, упоминающиеся в письмах Киреевского, имена же, встречающиеся в комментариях и во вступительной статье, в указатель не введены.

Цифры обозначают номер письма, в котором данное имя встречается

Азбукина, Евдокия Васильевна, кузина Киреевских 11.

Аксаков, Сергей Тимофеевич (1791—1859) 23.

Алексей божий человек (в „духовных стихах") 7.

Алексей Михайлович, царь (в „исторических песнях") 22.

Алябьев, Александр Александрович (1787—1851), композитор 4.

Андросов, Василий Петрович (1803—1841), писатель-экономист, один из основных сотрудников „Московского вестника" и особенно „Московского наблюдателя", где играл руководящую роль. „Статистика" Андросова—„Статистическая записка о Москве", М., 1832, одно из главнейших сочинений Андросова, вызвавшее огромный шум при своем появлении и острую полемику 1, 27.

Анке, Николай Богданович (1803—1872), профессор Московского университета по кафедре фармакологии и общей терапии 20.

Арбенева, Наталья Петровна, позже Киреевская, жена И. В. Киреевского 23.

Армфельд, Александр Осипович (1806—1868), врач, профессор Московского университета, знакомый Языкова по Дерптскому университету 14.

Афцелиус (Авцелиус), Арвид-Август (1785—1851), шведский писатель и ученый, издатель шведских народных песен 15.

Бакунины 1.

Баратынский, Евгений Абрамович (1800—1844) 2, 3, 9.

Бартенев, Юрий Никитич (1792—1866) 3.

Бахметев, Николай Федорович (1798—1884), преподаватель школы колонновожатых 34.

Берх, Василий Николаевич (1781—1834), автор ряда исторических и историко-географических работ 21.

Бестужев-Марлинский, Александр, Александрович (1797—1837) 4, 7, 10.

Боплан, Гильом, французский инженер, служивший в Польше, автор знаменитого труда „Описание Украины" (1650) 1.

Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789—1857) 3.

Бюшинг, Иоанн-Август (1783—1829), немецкий филолог 15.

Вагнер, Елизавета Васильевна (1809—1844), позже жена М. П. Погодина 11.

Валуев, Дмитрий Александрович (1820—1843), племянник Языкова, историк-славянофил, издатель „Симбирского сборника" 6, 8, 10, 26.

Вексман 12.

Вельс, доктор 11.

Венелин, Юрий Иванович (1802—1839), славист, историк и филолог 4.

Владимир, князь (в „былинах") 22.

Воейков, Александр Федорович (1778—1839), журналист, литератор 3.
Волконская, Зинаида Александровна, княгиня (1792—1862) 20.
Вольф, Фердинанд (1796—1866), филолог, романист 15.
Вяземский, Петр Андреевич, князь (1792—1878) 8, 10, 14.
Воронцов, Михаил Семенович, граф (1782—1856), в 30-х годах Новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии 11, 16, 24.
Востоков, Александр Христофорович (1781—1864), знаменитый филолог 15.

Гагарин, Петр Иванович (1713—1827), князь 11.
Гейер, Эрик-Густав (1783—1847), шведский историк и поэт 15.
Герберштейн, Сигизмунд (1486—1566), австрийский дипломат, автор знаменитого описания Московского государства 1.
Георгий (Егорий) победоносец (в „духовных стихах“) 7.
Гермес, Богдан Андреевич (1758 или 1759—1839), с 1823 по 1833 г. начальник Межевой канцелярии, на службе в которой числился Языков 1, 2, 3, 10, 12, 16.
Годунов Борис (в „исторических песнях“) 22.
Голицын князь (в „исторических песнях“) 22.
Гофман, Эрнст-Теодор-Амадей (1776—1822), знаменитый немецкий писатель-романтик 29.
Грабовский, граф, Станислав (ум. 1845) или Стефан (ум. 1847) — государственные деятели 30—40-х годов 18
Голубицкий (?) — б. м. Киреевский имеет в виду Голубинского, Федора Александровича (1797—1854), профессора духовной академии, философа-богослова 12.
Греч, Николай Иванович (1787—1867), журналист 3.
Греф, владелец магазина иностранных книг в Петербурге 7, 19.
Гриммы, Вильгельм (1786—1859) и Якоб (1785—1863), основатели западно-европейской фольклористики 15.

Давыдов, Денис Васильевич (1784—1839), поэт 4.
Даль, Владимир Иванович (1801—1872) 4.
Данилов, Кирша 22.
Деппинг, Жорж Бернар (1781—1853), писатель, ученый-филолог 15.
Домна Фалалеевна (в „былине“) 22.
Дю-Лу, содержательница модного магазина в Москве 18.

Елагин, Алексей Андреевич (ум. 1847), вотчим Киреевских 1, 3, 8, 15, 17, 18, 19, 26, 27, 36.
Елагин, Василий Алексеевич (1818—1879), брат Киреевских по матери 21.
Елагин, Николай Алексеевич (1825—1876), младший брат Киреевских по матери 36.
Елагина, Евдокия (Авдотья) Петровна (1789—1877), мать Киреевских 1, 3, 16, 25, 29, 31.
Елена дочь королевская (в „исторических песнях“) 22.
Емеля поп (в „исторических песнях“) 22.

Жомини, Генрих (1779—1869), военный писатель, генерал французской, а позже русской армий 18.
Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852) 1, 4, 8, 10, 12, 15.

Завалишина, Надежда Львовна (1774—1854), рожденная Толстая, мачеха декабриста Завалишина 1.
Завалишина, Екатерина Иринарховна (1803—1880), сестра декабриста 1.
Зонтаг, Анна Петровна (1785—1864), детская писательница и переводчица, сестра Елагиной 1.

Иакинф (Никита Бичурин) (1777—1853), известный русский синолог 11.
Иван Грозный (в „исторических песнях“) 22.
Иосиф Прекрасный (в „духовных стихах“) 7.

Кальдерон де ла Барка (1600—1673), испанский поэт-драматург 1.
Каратыгин, Василий Андреевич (1802—1853), знаменитый русский артист-трагик 10.
Карпов, симбирский помещик 8.
Киреев, Алексей Николаевич (ум. 1849) 4, 19.
Киреева, Александра Васильевна (1812—1891), рожденная Алябьева,

знаменитая московская красавица, воспетая Пушкиным и Языковым 4.
Киреевский, Василий Иванович (р. 1835, ум. ?), сын И. В. Киреевского 29.
Киреевский, Иван Васильевич (1806—1856) 1 10, 14, 16, 18, 23, 28, 29.
Копейкин, вор („в песнях) 22.
Корнилович, Александр Осипович (1795—1834), литератор, декабрист 4.
Костров, Николай Алексеевич, князь (1823—1881), этнограф 36.
Кошелев, Александр Иванович (1806—1883), писатель-публицист, один из виднейших деятелей славянофильства 2.
Крюгер Георг (1791—1841), знаменитый артист Берлинского театра; в 1833 г. гастролировал в С.-Петербурге 8.

Лазарев, вероятно Иван Иоакимович (1787—1858), известный московский меценат, 3.
Лазарь убогий (в „духовных стихах“) 7.
Ляпунов Прокопий (в „исторических песнях“) 22.

Максимович, Михаил Александрович (1804—1873), профессор ботаники Московского университета и позже профессор русской словесности в Киевском университете 2, 4, 14, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 24, 33.
Мельгунов, Николай Александрович (1804—1867) 7, 21.
Мердер, Карл Карлович (1788—1834), генерал-адъютант, воспитатель Александра II 12.
Минин, Козьма (в „исторических песнях“) 22.
Митрясов, атаман (в „исторических песнях“) 22.
Михаил Павлович (1798—1849), великий князь 22.
Монике, Готлиб (1781—1841), германист и переводчик 15.
Муханов, Павел Александрович (1798—1871), историк, археолог и палеограф 34.

Нируп (Nyerup), Расмус (1759—1829), датский литератор, филолог 15.
Никольский, В. А. 30.
Новиков, Николай Иванович (1744—1818); „Песенники Новикова“—„Новое и Полное Собрание Российских песен, содержащее в себе любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. В Москве. 1870. 6 частей“ 15, 21.
Норов, Николай Андреевич, (ум. 1847), майор 11.

Оболенский, Михаил Андреевич, князь (1805—1873), историк-археограф, опубликовавший ряд важных исторических памятников и документов. С 1838 г. издавал „Сборник князя Оболенского“, где был опубликован ряд актов, преимущественно из Московского архива 34.
Одоевский, Владимир Федорович, князь (1803—1869), писатель 2, 3, 4, 30.
Осаф царевич (в „духовных стихах“) 7.
Отрепьев, Григорий (в „исторических песнях“) 22.

Павлов, Николай Филиппович (1805—1864), писатель 14.
Павлова, Каролина Карловна (1810—1894), поэтесса 3.
Панов, Василий Алексеевич (1819—1849), писатель-славянофил, друг Гоголя и Д. А. Валуева, издатель „Московского сборника“ (1846—1847) 36.
Паули, Фердинанд (1793—1841), знаменитый германский трагик, артист Дрезденского театра.
Пейкер, Иван Устинович (1801—1844), сенатор, в 1835 г. был командирован в Москву для ревизии дел Межевой канцелярии 23.
Петерсон, Александр Петрович, товарищ Языкова по университету, сводный брат А. П. Елагиной 1, 2, 11, 12, 16, 24.
Петр I 12, 22.
Погодин, Михаил Петрович (1800—1875), историк 3, 10, 11, 20, 21.
Пожарский, князь (в „исторических песнях“) 22.
Полевой, Николай Алексеевич (1796—1846), крупнейший журналист 20-х—30-х годов, редактор-издатель „Московского телеграфа“ 3.
Постников, Иван Петрович, врач 34.
Пугачев, Емельян Иванович (в „исторических песнях“) 22.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) 3, 4, 15, 20, 22.

Разин, Степан (в „исторических песнях“) 22.
Рамих, Николай-Карл (1806—1835), врач 2, 31.
Рожалин, Николай Матвеевич (1805—1834), 2, 3, 18.
Роман, князь (в „исторических песнях“) 22.
Румянцев, граф (в „исторических песнях“) 22.
Руссов, Степан Васильевич (1768—1842), член Российской академии, автор многочисленных исторических и критических статей, издатель журнала „Воспоминания на 1832 год“, типичный литературный старовер, примыкавший к реакционному лагерю 21.
Рычков, атаман (в „исторических песнях“) 22.
Рычков, Петр Иванович (1712—1777), писатель, историк и экономист, главный труд его „Оренбургская топография“, 1762, 30.

Свербеевы, Дмитрий Николаевич, (1799—1874) и Екатерина Александровна (ум. в 1892 г.) 3, 7, 10, 21.
Селивановский, Семен Аникиевич (1772—1835), типограф и книгопродавец в Москве 14, 18, 30.
Сигизмунд, король польский (в „исторических песнях“) 22.
Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857), известный книгопродавец и издатель 15, 20, 26, 30.
Снегирев, Иван Михайлович (1793—1868), профессор Московского университета, знаток русских древностей и фольклора 20, 30.
Соболевский, Сергей Александрович (1803—1870), библиограф и библиофил, друг Пушкина 15, 22, 26.
Скотт Вальтер (1771—1831) 9, 15.
Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879), историк России, автор диссертации „Об отношениях Новгорода к великим князьям“ (1845) 36.
Строев, Павел Михайлович (1796—1876), археограф, организатор археографических экспедиций 1828—1834 гг. 4.

Татьяна Дмитриевна (Демьяновна) цыганская певица, ей посвящен ряд посланий Языкова 7.
Толстой (?) 14.
Томсон Джемс (1700—1748) английский поэт 27.
Трубников 30.
Тыринов, Федор (в „духовных стихах“) 7.
Тютчев, Алексей Николаевич 1.
Тютчев, Николай Николаевич 1.

Фишер, Григорий (Готгельф) Иванович 5.

Хвостов, Дмитрий Иванович (1757—1835), сенатор, поэт 10, 11.
Хомякова, Екатерина Михайловна см. Языкова.
Хомяков, Алексей Степанович (1804—1860), поэт и публицист, писатель по богословско-философским вопросам, один из крупнейших теоретиков славянофильства 2, 10, 26, 31.

Цветаев, Лев Алексеевич (род. в 70-х годах XVIII в., ум. в 1835), профессор Московского университета, читал право римское, гражданское, уголовное, политическую экономию и другие дисциплины; член цензурного комитета 4.

Чаадаев, Петр Яковлевич (1793—1856) 3, 7, 12.
Чернов, Александр Пахомович, поручик лейб-гвардии Уланского полка, за убийство Шишкова разжалован в рядовые 3.
Чухломская, Пелагея 3.

Шаховская, Екатерина Александровна, княжна (ум. в 1848 г.), автор фантасмагории „Сновидение“ (М. 1833) 20.
Шевырев, Степан Петрович (1806—1864), профессор Московского университета по кафедре истории русской словесности, представитель наиболее реакционной части славянофильства 2, 3, 7, 20.
Шенье, Андре (1762—1794), французский поэт 17.
Шишков, Александр Ардальонович (1799—1832), поэт и переводчик 3.
Шиллер, Фридрих (1759—1805) 17.
Шуйский, Василий (в „исторических песнях“) 22.
Шульгин, Иван Петрович (1795—1869), историк, автор работы „Изображение характера и содержание новой истории“ (1832) 1.

Эсслер (Esslair), Фердинанд (1772—1840), мюнхенский артист-трагик и режиссер 10.

Языков, Александр Михайлович (1799—1874), средний из братьев Языковых 10, 24, 26, 28, 30.
Языков, Петр Михайлович (1798—1851), старший брат Языкова, геолог 24, 30, 34, 37.
Языкова, Екатерина Михайловна (1817—1852), сестра Языкова, в замужестве Хомякова, жена А. С. Хомякова 17, 30, 31, 34.
Якимов, Василий Яковлевич (1800—1853), профессор Харьковского университета 15.
Якушкин, Павел Иванович (1820—1872), этнограф-фольклорист, известный собиратель народных песен 36.
Якушкина, Анастасия Васильевна (1807—1846), жена декабриста Якушкина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КОМПЛЕКТЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

(Орган Академии Наук СССР и Сектора науки Наркомпроса РСФСР)

1931. № 1—2. 198 стр. Ц. 3 р. 50 к. Среди статей: М. О. Косвен. История брака и семьи в истории науки до середины XIX в.— В. Г. Тан-Богораз. Классовое расслоение у чукоч оленеводов, и др.

1931. № 3—4. 265 стр. Ц. 4 р. Среди статей: С. П. Толстов. Проблемы дородового общества.—В. Г. Тан-Богораз. Этнографическая беллетристика.—М. Г. Худяков. Из фольклора Нижегородского края, и др.

1932. № 4. 147 стр. Ц. 3 р. Среди статей: Н. М. Никольский. Установка и методы белорусской нацдемовской этнографии.—А. С. Вартапетов. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев, и др.

1932. № 5—6. 297 стр. Ц. 6 р. Среди статей: С. П. Балдаев. Ленин и Октябрь в фольклоре бурят-монгол.—Н. К. Пиксанов. Горький и фольклор, и др.

1933. № 1. 204 стр. Ц. 4 р. Среди статей: Марк Азадовский. С. Ф. Ольденбург как фольклорист.—Б. А. Шайкевич. К вопросу о генезисе и развитии колядных песен и обрядов, и др.

1933. № 2. 148 стр. Ц. 4 р. Среди статей: М. О. Косвен. Проблемы доклассового общества в эпоху Маркса—Энгельса.—Академик И. И. Мещанинов. Проблема классификации языков и народов, и др.

1933. № 3—4. 211 стр. Ц. 8 р. Среди статей: М. А. Сергеев. К вопросу о народно-хозяйственной переписи крайнего севера.—Ю. Самарин, Социалистическое строительство УССР, и др.

1933. № 5—6. 114 стр. Ц. 8. Среди статей: К. В. Вяткина. Пережитки тотемизма и его разложение в связи с облавными охотами бурят.—А. Терентьев. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. и др.

1934. № 3. 143 стр. Ц. 4. Среди статей: С. Н. Быковский. К вопросу об одомашнении животных.—А. Н. Никифоров. Теория сказки Альберта Виссельского, и др.

1934. № 4. 148 стр. Ц. 4 р. Среди статей: И. Н. Винников. Некоторые вопросы социальной организации австралийцев. — Б. Л. Богаевский. К вопросу о значении изображения так наз. „Колдуна" в „Пещере трех братьев" в Арьеже во Франции и др.

1934. № 5. 128 стр. Ц. 4 р. Среди статей: З. В. Эвальд. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья. — Е. А. Крейнович. Морской промысел гиляков д. Куль, и др.

1934. № 6. 202 стр. Ц. 4 р. Специальный номер „К пятидесятилетию книги Фр. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства". Среди статей: С. Н. Быковский. Ф. Энгельс и проблема периодизации истории доклассового общества. — А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган, и др.

1935. № 1. 159 стр. Ц. 4 р. Среди статей: Памяти ученого революционера Н. Я. Марра. — Л. Я. Штернберг. Яфетическая теория при свете этнографии (авто-резюме с комментариями В. Г. Богораза), и др.

1935. № 2. 220 стр. Ц. 4 р. Среди статей: В. А. Городцов. К истории развития техники первобытных каменных орудий. — Е. Г. Кагаров. Новый опыт построения „методики" этнографии, и др.

1935. № 3. 154 стр. Ц. 4 р. Среди статей: М. И. Кондратьева. О юртообразных зданиях Внешней Монголии. — Р. Ф. Бартон. Использование мифов как магии у горных племен Филиппин, и др.

1935. № 4—5. 248 стр. Ц. 8 р. Владимиру Германовичу Богоразу к семидесятилетию со дня рождения. Среди статей: Ю. П. Аверкиева. Рабство у племен северо-западного побережья Сев. Америки. — М. П. Алексеев. Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос, и др.

Все книги, изданные Академией Наук и имеющиеся в продаже, высылает наложенным платежом Отдел распространения Издательства Академии Наук СССР — Москва, проезд Художественного театра, 2, Сектор „Научная Книга—почтой".

По г. Ленинграду, Ленинградской области, АКССР и Северному краю заказы выполняет Ленинградское отделение Издательства — Ленинград, 164. В. О., Менделеевская линия, 1.

БИБЛИОТ

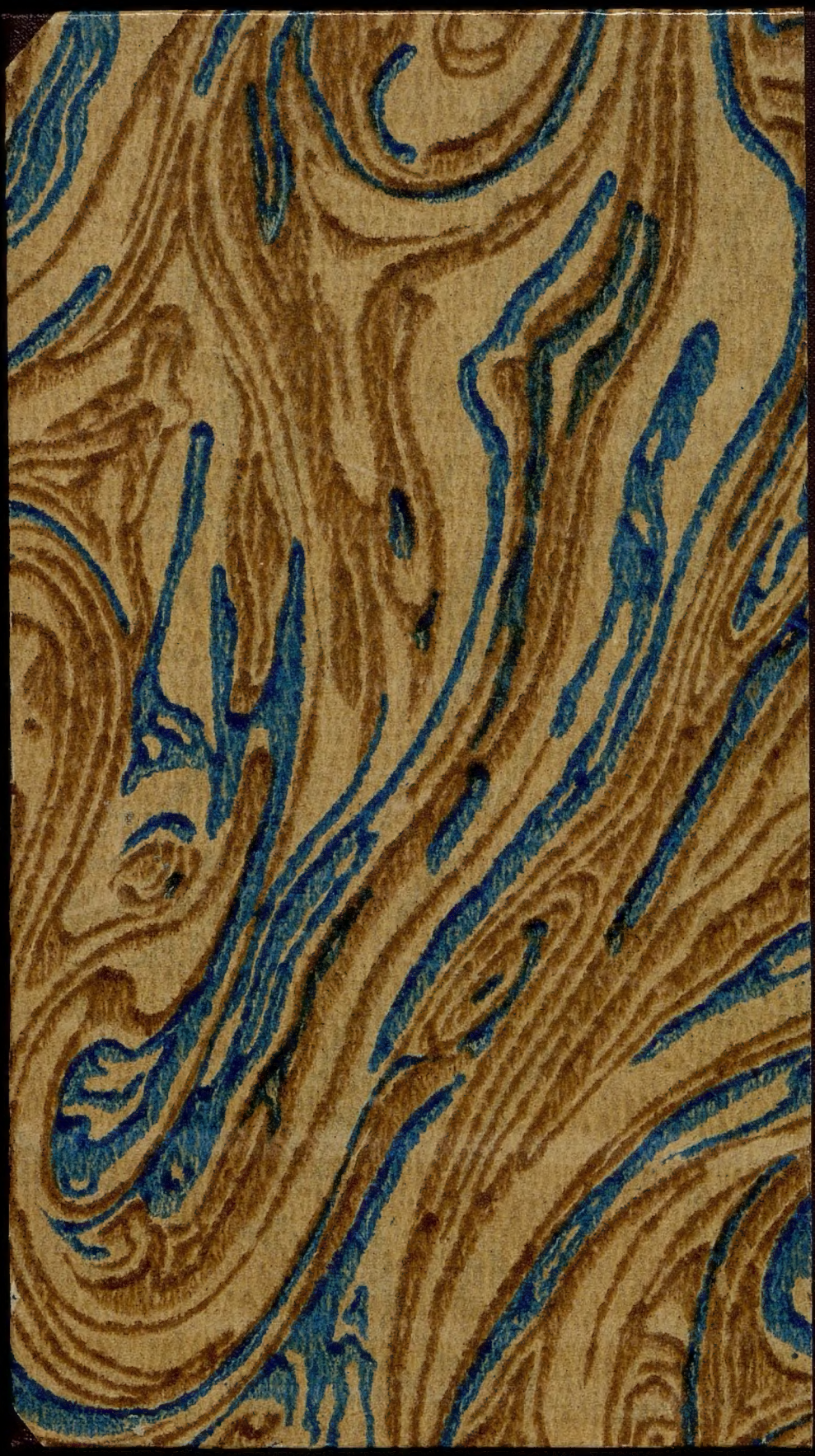
ИЭ
Ж-845
т. 1, в. 4
1935
2

Цена 3 руб. - 30 к.

141 2

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОИЗВОДИТСЯ:

1. В Отделе распространения Издательства Академии Наук СССР, Москва, Проезд Художественного театра, 2. Тел. 48-33.
2. В Ленинградском отделении Издательства. Ленинград, 164. В. О., Менделеевская лин., 1. Тел. 592-62.
3. Доверенными Издательства, снабженными специальными удостоверениями.